

попаванец
попаванец

Владимир Малыгин
НА БОЕВОМ
КУРСЕ!

Владимир Владиславович Малыгин

Летчик. На боевом курсе!

Серия «Летчик», книга 2
Серия «Попаданец (АСТ)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63345787

На боевом курсе!; Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»;

М.; 2020

ISBN 978-5-17-134142-8

Аннотация

Пора Сергею пересаживаться с «Ньюпора» на более привычную многомоторную машину. Теперь есть возможность полетать и повоевать на «Илье Муромце». Ведь на нём не только пассажиров и различные грузы в кабине перевозить можно, но и кое-что ещё... Например, использовать самолёт в качестве бомбардировщика дальнего действия с новыми, только что поступившими на вооружение авиационными бомбами. А если установить дополнительные топливные баки, то можно даже в Данию слетать. Или в Объединённое Королевство. Без бомб, само собой. А ещё появляется горячее желание до Берлина долететь. И вот тут бомбы на борту обязательны! А три пулемёта превращают самолёт во вражеском небе в неприступную воздушную крепость...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	37
Глава 3	65
Глава 4	91
Глава 5	117
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Владимир Владиславович Малыгин На боевом курсе!

*Благодарю всех своих читателей за поддержку.
Отдельная благодарность Владимиру Иванаеву,
Дмитрию Михайлову, Анастасии Алябьевой,
Дмитрию Артамонову, Вячеславу Кондратьеву,
Виктору Гумённому и, конечно же, Татьяне
Малыгиной!*

© Владимир Малыгин, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

Сентябрь выдался тёплым. Лето изо всех сил цеплялось за свои воспоминания о недавнем жарком августе и никак не хотело расстаться с Петербургом. Отступало чуть в сторону под ленивым напором осени на время короткого ненастья, выжидало подходящий момент и снова упорно возвращалось. Вот и сегодня колкий утренний дождик с восходом резко иссяк, словно испугался наступающего утра и не по-осеннему жаркого солнца. Забравшееся на небосклон светило лениво потянулось, огляделось, удивилось наступившему сырому беспорядку в своих владениях и быстро высушило мокрую землю, мощёные мостовые, парки и даже дворовые подворотни, в которые оно ни разу в жизни не заглядывало. Да и зачем ему туда заглядывать, если это самим людям не нужно, иначе бы они так не строили.

Так что погода с утра радовала, и этой радости нисколько не мешал солёный ветер с залива, разгоняющий мелкую волну на Неве, разбивающий вдребезги зеркальные отражения величавых зданий на набережных. А к вечеру и ветер утих, словно высказал всё задержавшемуся в столице лету и почти перестал шуршать листьями в кронах деревьев, выбирая самые слабые и сбрасывая их вниз, расцвечивая тёмно-зелёную палитру парков и садов, украшая их первыми багряными и жёлтыми мазками...

На звонкий цокот копыт выглянул из сторожки караульный, настороженно осмотрел остановившуюся напротив извозчичью пролётку.

«Принесла кого-то нелёгкая под вечер», – успел недовольно нахмуриться своим мыслям седоусый ветеран и тут же прогнал их прочь. Внимательный, цепкий взгляд битого жизнью и умудрённого службой унтера успел заметить и «клюкву» на кортике прыгнувшего на брусчатку офицера, и уж само собой, отметил Георгия на его мундире. Руки сами, неосознанно и отработанным за годы службы движением скользнули вниз, пробежались пальцами по ремню, сгоняя отсутствующие складки гимнастёрки за спину.

Пока офицер рассчитывался с извозчиком, на мостовую прыгнул второй пассажир.

«Этот попроще, из нашего брата, но тоже умудрился Георгия заслужить. Явно не на японской, больно он для неё молод. Тогда, получается, уже на этой? Когда успел?» – и караульный потянулся к телефону, вызванивая начальника караула. Потому как уже ясно, что эти гости прибыли именно к ним. Вот пусть начальство с ними и разбирается.

А офицер подхватил чемодан и саквояж, шагнул вперёд, легко перепрыгнул пару ступенек низкого крылечка и остановился на широкой площадке, весело оглядывая вынужденного отступить в глубину караулки унтера.

– Позвонил? – понимающе глянул на телефонный аппарат.

– Так точно, ваше благородие! – на всякий случай вытянулся караульный. Кто его знает, что за хлыщ к ним пожаловал. Сейчас, конечно, не то, что раньше, в морду просто так, походя, бить никто не станет, прошли те времена, но хватает ещё барства в белой кости, которая иной раз на солдата словно на окопную вошь глядит. Поэтому ну его, лучше поусердствовать лишний раз, тем более это ничего не стоит.

– Это хорошо, что так точно. Значит, подождём. Миша! Ты что там застрял? – обернулся к задержавшемуся на улице товарищу поручик.

«Миша... – тут же отметил неуставное обращение к вах-мистру караульный. – Получается, из нормальных он будет. Да и то, раз Георгия заслужил, значит, повоевал. А в окопах всю дурь быстро выбивает». И тут же вспомнил, где служит. Да-а, здесь редко кто эти самые окопы-то вживую и видел. Если только сверху, с неба. Потому как позади, за караулкой, находились мастерские. Где строили аэропланы...

Глава 1

До нужного нам адреса на Васильевском острове добрались на извозчике. Получилось не то чтобы быстро, но и не медленно. В общем, нормально получилось, зато за это время удалось по сторонам посмотреть.

Вещи, то есть чемоданы, оставили в караулке, а вот саквояж я лучше с собой прихвачу. Привык уже. Правда, при этом приходится терпеть недоумённые взгляды встречных и сопровождающих, но это пустяки. Терплю, не объяснять же каждому встречному-поперечному, что у меня там находится. Вот и караульный солдатик окинул сначала меня внимательным взглядом, потом Михаила и задержался глазами на моей ноше. Явственно прочиталось на лице: «У каждого свои тараканы». Да и ладно. Короче, пусть все со своим удивлением мимо ходят.

Однако вот так с налёта миновать проходную с вооружённым солдатом не вышло. Пришлось доставать документы и ждать оформления. И высокое караульное начальство. Потому как без личного пропуска на территорию завода не пропускали. Ну и ладно, подождём, порядок есть порядок. На место мы прибыли, это главное. И торопиться теперь вроде бы пока некуда. Осмотрюсь тогда.

Кованая ажурная ограда забора позволяла рассмотреть низкие деревянные строения чуть в глубине территории,

буквально в десятке метров за караулкой. Да нет, не похоже это на мастерские, слишком уж они маловаты по своим размерам. Скорее, на жилые дома или на небольшие административные здания. Ладно, что гадать, всё равно скоро всё узнаю. А вот за ними уже двухэтажное длинное здание красного кирпича, это что-то более всего похоже на завод. Да ещё и с высокой кирпичной же трубой справа, уткнувшейся в удивительно безоблачное небо. Теснота-то какая. Как они здесь самолёты собирают? Нереально. Если только мелочь какую. М-да, серо, уныло и грустно. Единственным светлым пятном на этом фоне кованые решётки ограды выделяются. Вот где красотища!

Оформление закончилось. Начальник караула лично каждому из нас по пропуску выдал. Красного цвета картонный кусочек бумаги с чёрными, типографской печати, буквами. Сверху, слева и справа, символы государственности отпечатаны – двуглавые орлы с регалиями в лапах и коронами. Между ними текущий год, чуть ниже номер пропуска и в самом низу наименование завода. На обратной стороне – кому он выдан. Серьёзно всё, не по-детски.

Первым делом нас провели к Сикорскому. Как объяснили, нужно бы для порядка сначала к директору, Климексееву, пройти и представиться или к председателю правления Шидловскому, но ни того, ни другого уже нет, уехали.

Рабочий день хоть и закончился, но тем не менее кое-где в мастерских вовсю кипела работа. Энтузиасты старались,

свои идеи в жизнь воплощали. И, да, я угадал, те деревянные домишки были именно административными зданиями. Успел прочесть вывески, пока мимо проходили. Сразу слева за воротами располагалось караульное помещение с казармой, за ним и ещё левее большое здание управления завода, куда нас и проводили. Прямо напротив ворот два, похоже, жилых домика, огороженных деревянным кривым забором высотой в человеческий рост. Справа вообще непонятное строение с наглухо заколоченными окнами. Ещё правее увидел угол следующего такого же деревянного домика, но подробности не удалось разобрать, не видно. И вообще, что-то много деревянных развалюх на территории. Передёргиваю, конечно, но не дело, когда на таком важном предприятии так много легковозгорающихся сооружений. Это если не считать многочисленных разросшихся деревьев вокруг всех строений.

И пыль... За день земля в основном просохла, поэтому смог вдоволь насладиться этой слегка позабытой в последнее время экзотикой. Сапоги враз плотным серым налётом покрылись. Но пыль пылью, а пару раз пришлось и через глубокие лужи перебираться. Что же здесь в непогоду творится? Непролазная грязь же получится? И об этом красноречиво свидетельствуют подсохшие после дождя и уже начавшие осыпаться глубокие тележные колеи с такими же глубокими отпечатками лошадиных копыт. Правда, кое-где, наверняка в самых грязных местах, было сделано что-то вроде деревян-

ных тротуаров. Просто бросили попарно вдоль забора и домишек несколько длинных досок, уложили их на деревянные чурки.

Вот и все удобства, вся цивилизация. М-да...

Грустно как-то стало при виде всего этого «великолепия». И как я умудрился во всё это вляпаться? А ведь времени с моего появления здесь, в самом конце весны одна тысяча девятьсот четырнадцатого года прошло совсем немного, всего чуть больше трёх месяцев.

Вновь припомнились недавние события, перечеркнувшие всю мою прежнюю жизнь. Авиационная катастрофа там, в моей реальности... Рёв сирены, мигание красных ламп, густой дым в кабине и жилые кварталы внизу... От которых обязательно нужно успеть увести горящий самолёт с практически полностью отказавшим управлением. И несущиеся прямо в лицо сосны... Спину передёрнуло ледяным ознобом...

Очнулся я уже здесь, в госпитальной палате уездного города Пскова в теле поручика Грачёва, тоже потерпевшего аварию на своём допотопном аэроплане и сильно разбившего себе голову. Похоже, душа парня не пережила такого сотрясения и покинула это тело. С тех пор мне на память остался шрам через весь лоб. А уходящее сознание поручика оставило на память кое-какую информацию об этом мире, окружающей меня действительности и прожитой короткой жизни молодого дворянина. Именно благодаря этим знаниям и по-

лученной травме удалось более или менее вписаться в окружающую среду. Ловил на себе иной раз косые взгляды товарищей, потому как наверняка выбивался из общепринятых норм поведения, не мог не выбиваться, но всё-таки вписался. Потому и сказал, что именно очнулся в палате, а не пришёл в себя. Шок ещё тот был. Приходить в себя пришлось долго. Но пришёл, примирился с попаданием, с шансом на вторую жизнь, с окружающей действительностью, с прежним сознанием... И с потерей семьи там, в своём родном времени... Повезло и с финансами. Очередная бессонница вывела на ночную прогулку по спящему городу, где и столкнулся с экспроприаторами чужого добра. В результате этого столкновения в экспроприатора превратился уже я – удалось прихватить имущество грабителей и оставить их самих в ночи в виде двух остывающих тел. А по-другому никак было не обойтись. Попереживал, конечно, после такого. Остатки сознания и щепетильности прежнего хозяина тела постоянно вступали в некое противоречие с моим сознанием выходца двадцать первого века, вынуждая порой совершать абсолютно, казалось бы, нелогичные поступки. Но в конечном итоге справился с самим собой. Да, именно уже с самим собой... А летать на древней технике неожиданно для себя понравилось. Казалось бы, архаика полная, а эмоций море. Тонкая фанерка под ногами или вообще полное отсутствие таковой – ноги над бездной висят, кабины, по сути, нет, крылья – страх полный, на тонких тросиках держатся, в полёте ходу-

ном ходят. За спиной моторчик тарахтит, норовит в лицо отработанным горячим маслом брызнуть. Оглядываться за спину страшно, потому что при малейшем движении рулей хвостовое оперение скручивается. Как ещё не отламывается? И всё это удовольствие имеем при полном отсутствии средств индивидуального спасения. Парашютов нет! А они, авиаторы местные, ещё и форсят, летают не пристёгиваясь! И погибают от такого форсу... Как представляю, так вздрогну. Но нравится до жути! И романтики лётной профессии столько, что хоть... гм, ложкой ешь! К месту пришились мои лётные навыки из прошлой жизни – правда, пришлось их усиленно и в короткий срок восстанавливать, моторика тела-то другая. Но ничего, и с этим успешно справился. Благодаря своему новому или, скорее, старому опыту быстро поднялся в глазах товарищей и командования. Наверняка вопросы у них имелись, но вслух мне никто ничего не говорил. А дальше, как заметили, так и карьера сдвинулась с мёртвой точки, куда-то пошла. Посмотрим, куда придёт.

И основное. Менять историю? А каким образом? Я как бы и не против, но слишком много этих самых «но»! Хорошо ещё, что почти сразу это осознал и принял. Было время поразмышлять на эту тему в той самой госпитальной палате. Нет у меня никакой возможности хоть как-то повлиять на умы и поступки власть имущих, где и кто я, и где они все. Слишком уж я малая величина. Так что с этим мимо. Никак даже на винтик в колесе истории не потяну. А вот на песчин-

ку, попавшую в этот самый механизм и изменившую его работу, – вполне могу. Поэтому окончательно отказываться от какого-либо прогрессорства не стал, да и не смог бы, правду говоря. Где возможно, приложу и прикладываю все свои силы, чтобы чего-то добиться, что-то сделать. К чьей пользе? Надеюсь, что своей страны.

Пока была возможность – походил, побродил по городу в штатском, посмотрел на то, как люди живут. Очень уж мне хотелось понять, отчего такая круговерть чуть позже завертится. Неужели так уж плохо всё в этом обществе? И ничего не понял. Потому как ничего особенного не увидел. Что мы там так же живём, что они сейчас. В главном и целом, всё у нас одинаково, и ничего не изменилось. Есть те, кто побогаче, и те, кто победнее. Между ними прослойка, которая ни туда и ни сюда. А люди, полное впечатление, что те же самые, с теми же тараканами в головах, рвущиеся в сказочное светлое будущее, где работать не нужно и всё почти безвозмездно, то есть даром... Кому-то мошна давит на голову, и начинают деньгами сорить налево и направо, а кто-то концы с концами еле сводит. Так что ради чего скоро затеется великий передел, непонятно. Только ради власти? И всё? Отобрать дом у соседа, попользовать его жену, напаять его новое пальто и тут же пройти перед ним, пока он в лучшем случае связанный в телеге лежит... Не понимаю и не хочу понимать. Ничего в сознании человека за столетия и тысячелетия не меняется...

Пришлось вскоре и повоевать, используя кое-какие свои знания будущего, – Первая мировая оказалась не за горой и через пару месяцев началась, как и положено. И повоевать удалось очень даже эффективно. За что нас и отметили высокими наградами. Нас, это меня и моего стрелка. Нашёл себе второго члена экипажа, обучил его, начали слётываться. Оказалось, вполне успешно. Благодаря своей атаке на немецкие крейсера сорвал планы по обстрелу Либавы, а сам получил некоторую известность. А потом и до замершей на месте армии Ренненкампа добрался, передал в штаб и лично командующему полученные снимки воздушной разведки. Вот так вот пытаюсь что-то сделать по мере сил и возможности.

Надеюсь, что на последовавшее вскоре наступление этой армии в какой-то мере повлияли и мои сведения. По крайней мере, армия Самсонова останется более или менее целой и избежит печального разгрома...

Одно плохо – историю я знаю не то чтобы отлично, так, основные вехи в её развитии помню и всё. Больно много времени прошло с тех пор, когда изучал сей предмет. Поэтому тяжело что-то конкретное планировать и предвидеть – только то, что чётко осталось и зафиксировалось в памяти. Зато судьба уже свела с довольно-таки значимыми лицами – с генералом Остроумовым, адмиралом Эссенем, Александром Васильевичем Колчаком. И другими не менее известными и славными личностями... Даже с Нестеровым познакомился в Москве. Поговорили с ним несколько раз за жизнь. По-

смотрим, чем эти наши разговоры закончатся, потому как постарался донести до него, да и не только до него, свои соображения по лётной работе и по жизни вообще. Скорее всего, только через подобные знакомства и разговоры смогу что-то сделать...

Что ещё? Ах, да... Итогом всех моих телодвижений за последнее время и стало вот это прибытие в Петербург за новым самолётом. Из истребителей, хотя такого слова ещё нет, я становлюсь... А пока не знаю, кем именно становлюсь. Пока просто пересаживаюсь на большую многомоторную машину. Всё-таки это более привычные мне самолёты. Изучу аппарат и вернусь в Ревель...

Пришлось отстраняться от накативших воспоминаний, потому как мы пришли к зданию управления. Скрипучее крылечко, такие же скрипучие истёртые деревянные лестницы и переходы на второй этаж. Сопровождающий тянет на себя обыкновенную обшарпанную деревянную дверь, заходит внутрь, что-то бубнит – я не прислушиваюсь, потому как нет в этом острой необходимости, всё и так понятно. Поворачивается и приглашает нас войти...

Главный конструктор оказался на удивление молодым человеком, примерно моего возраста. А я почему-то представлял его гораздо старше.

Простое лицо, с печатью невероятной усталости, явными следами недосыпа, с набрякшими мешками под покрасневшими глазами и шикарными чёрными усами. Зато энтузиаз-

ма через край, аж в коридор выхлёстывает.

Предписание быстро просмотрел, вернул мне, изучил наши пропуска, небрежно бросил картонки на стол и, с интересом глядя на наши награды, начал задавать вопросы. Пришлось отвечать. Удивился я, когда узнал, что нас тут ждали. И о нашей атаке на германские крейсера знают. Слухи дошли, или... Оказалось – или...

Вот в чём дело! Остроумов поспособствовал. И Глебов! Расхвалили за глаза мою светлую голову. Даже в какой-то мере неудобно стало. Впрочем, своё стеснение быстро засунул поглубже, не в том я положении нахожусь, собрался и начал отвечать. Больше всего внимания и вопросов конструктор уделил моему переделанному «Ньюпору», тому самому, который я с десятой одноимённой модели дорабатывал на московском заводе.

Сикорский сам лётчик, поэтому интересовался не только его конструктивными изменениями, но и поведением и управляемостью машины в полёте. Впрочем, это я так говорю – машина, а сам конструктор называл его аппаратом.

На удивление коротко, буквально вскользь, коснулись и «Ильи Муромца». Даже не ожидал такого краткого рассказа. Думал, сейчас конструктор начнёт расхваливать своё детище, а нет, ничего подобного.

– Полагаю, на первое время достаточно разговоров. Будет у нас с вами ещё время для обсуждения, когда ознакомитесь с моим богатырём, – взял со стола наше предписание, ещё

раз его изучил, протянул мне. – Вы где остановились?

– Пока нигде. Мы сразу с поезда сюда...

– Похвальное стремление, похвальное. Могу предложить устроиться здесь, на заводе. Или нужно что-то более... – покрутил пальцами. – Цивилизованное?

– Мы, конечно, неприхотливы, но уж коли оказались в столице, то и разместиться хотели бы где-нибудь ближе к центру. Чтобы успеть хоть краем глаза осмотреть достопримечательности города.

– Да? Думаете, у вас будет на это время? Впрочем, вам решать. Сейчас распоряжусь насчёт коляски. Или автомобиля – вас отвезут. Как устроитесь, обязательно известите меня о своём нахождении. Вот наш номер.

Наклонился к столу, черкнул несколько цифр на оборотной стороне пропуска, на той, где наши имена и фамилии накарябаны, и протянул мне обе наши картонки:

– Жду вас завтра с утра. Поедем на аэродром, представлю вас персоналу. Заодно познакомитесь и с «Ильёй».

– А я думал, что он где-то здесь стоит, в канале... – растерялся я.

– Ну где здесь? У него верхнее крыло тридцать два метра. Куда ему в канале-то...

– Понял...

Хотя пока ничего я не понял. Он же вроде как должен быть гидросамолётом? С поплавками? Какой ему аэродром? Хотя-а, в моё время летающие лодки прекрасно на суше

себя чувствовали, хоть и выглядели несколько не... Скажем так, несколько не так, как в своей воде. Ладно, хватит свою некомпетентность показывать, лучше промолчать. Завтра сам всё увижу, своими глазами.

– И, Сергей Викторович... Ничего, что я так? По-простому? Всё-таки мы с вами энтузиасты своего дела и оба лётчики! – в конце фразы Сикорский покосился краем глаза на Михаила, как бы извиняясь за сказанное.

– Конечно, конечно...

– Настоятельно рекомендую устроиться где-нибудь поближе. Позже сами оцените мой совет...

– Хорошо. Ничего конкретно не порекомендуете?

– Распоряжусь. Да сейчас вместе и поедем. Засиделся я что-то...

А Миша всё это время так и простоял скромненько за моей широкой спиной. Представить-то я его представил и коротенько, буквально в двух словах рассказал, в качестве кого я его представляю в экипаже «Ильи».

Три последующих дня пролетели как один миг. И не до прогулок по городу нам было, поэтому все местные достопримечательности пока остались без нашего должного внимания. Слишком много навалилось на нас впечатлений, разговоров, новинок. Пришлось изучать конструкцию самолёта. Это необязательно, но тут уже я проявил инициативу на радость изобретателю и к искреннему огорчению моего то-

варища. Ничего, рано или поздно всё пригодится, мало ли как жизнь может повернуться? Иной раз она от такой мелочи может зависеть, что даже обидно становится, когда её, этой мелочи, под рукой в нужный момент не оказывается. Или тех же знаний...

Так что хоть быстро и несколько поверхностно, но сей аппарат мы изучили. Но здесь было легче – покрутились по сборочным мастерским, там руками пощупали, тут своими глазами посмотрели. Пообщались с мастерами, как-то на удивление быстро нашли с ними общий язык и незаметно вписались в рабочий коллектив. По мне так ничего сложного, проще простого. Потому как половина из них была в форме, служила то есть. Да ещё мы попали как раз в тот момент, когда на заводе обозначился активный приток новых кадров, расширялось производство. А лётчик у них всего один, тот самый лейтенант Лазарев, который так в действующую армию рвётся.

Что самое интересное, так это мои первые впечатления при виде стоящих на салазках корпусов в столярной мастерской. Трамвай... Вот честное слово, именно такая ассоциация в голову пришла. Хорошо хоть ума хватило свои мысли при себе удержать и выражение лица нейтральное сохранить. Право слово, когда самолёт собран и покрашен, он совсем по-другому выглядит и ощущается. А так, когда перед глазами лишь прямоугольный деревянный короб скелета фюзеляжа с редкими пока элементами фанерной обшивки – трам-

вай-недоросток, да и только...

Лезть с советами и подсказками не стал, ни к чему. Пока. Но зарубочку для себя сразу сделал. Чуть позже обязательно хотя бы про остекление внизу подскажу. Иначе как бомбометание производить? Как прицеливаться? Кстати, здесь я впервые ознакомился с теми самыми прицелами, о которых меня в своё время расспрашивали в кабинете у Эссена. Что сказать? Хотя что-то. Но остекление внизу кабины всё равно не мешает. И лёгкое бронирование пола и боковин в жизненно важных местах. Это я штатные места экипажа имею в виду и сами моторы. Да, про парашюты бы не забыть. Кто его знает, как жизнь сложится? Ох, что-то я совсем фаталистом заделался, на воду дую, перестраховываюсь везде.

Короче, ознакомился я и с новым самолётом. Впечатляет. Особенно после моего «Ньюпора». Миша вообще эти первые дни словно в ступоре ходит. Невиданная им доселе летающая громадина.

Самое сложное было разобраться с моторами. Редко где можно было встретить все двигатели одной марки, не говоря уже об их мощности. В основном приходилось использовать сборную солянку. И на этом гидросамолёте повторилась та же история – установили два «Сальмсона» и два «Аргуса». С началом войны эти немецкие «Аргусы» в Россию перестали поставлять, поэтому на заводе спешно разрабатывали свою собственную конструкцию. Ну как свою? Пытались скопировать те же самые «Аргусы» и «Бенцы». К сожалению, разра-

ботка тормозилась. Потому как не только сами двигатели перестали поступать, но и комплектующие к ним, само собой, и даже прокатный металл, медные трубы, что шли из Швеции. Приходилось срочно искать новых поставщиков, кое-что производить самим, а это время, которого всегда не хватает...

На Комендантский аэродром поехали на следующий же день после нашего прибытия. Там я и увидел первый раз живую, так сказать, этот аппарат и понял давешнее удивление конструктора моим вчерашним словам. Действительно, ну какой ему канал при его-то габаритах? С таким размахом крыльев там никак не пройти, даже под мостом на набережной не протиснуться. И не только по размаху, но и по высоте, соответственно. Слишком уж большая получилась махина, огромная. Для этого времени, само собой.

Что мне понравилось больше всего, так это боковая дверка в фюзеляже – никуда карабкаться не нужно, чтобы в кабину попасть. Удобно.

Внутри не так просторно, как ожидалось. Хотя... это я привередничаю, смотрю сейчас с позиции своего прежнего опыта. А для этого времени действительно очень огромный и просторный самолёт. Игорь Иванович с гордостью представлял своё детище, показывал и рассказывал, даже умудрился в историю его создания заглянуть. Впрочем, мне на самом деле интересно, поэтому слушал рассказ инженера с удовольствием, даже ахал в самых напряжённых момен-

тах, подыгрывая рассказчику. С удовольствием послушал про презентационный самолёт. Тот самый, который показывали его императорскому величеству, с роскошным пассажирским салоном, туалетом и ванной, и огромными позолоченными двуглавыми орлами на кабине.

Вдохновился и установленными на «Муромце» поплавками. Как-то в Ревеле особо не обращал внимания на эти детали тамошних гидропланов. Ну, стоят на них поплавки и ладно. Наверное, потому, что размеры самолётов разные и особо сей элемент конструкции в глаза не бросается. А тут увидел и на какой-то миг у меня даже голос просел. Реально огромная и неподъёмная вещь. Это же сколько полезной грузоподъёмности они съедают? Почти семь метров длины, одуреть можно! Почему бы не использовать для этой цели дюралюминий вместо тяжёлой фанеры? Есть же он у немцев? Не постеснялся, спросил. М-да, оказывается, у нас построили завод по выплавке алюминия, но в чистом виде он слишком хрупок и не подходит для использования в самолётостроении. Если перед войной дюраль закупали и привозили в страну, то с наступлением оной эти поставки, само собой, также прекратились. Дёрнулся было благодетельствовать инженера нужным составом так необходимого ему сплава, да тут же остановился. А потому что не помню я в точности этот состав. Никель вроде бы добавляли в малых долях, а что ещё? Медь и марганец? Говорю же, не помню. А ведь знал когда-то, учил. Видимо, так учил. Ничего, может,

ещё и вспомню, куда я денусь-то... А потом и про патенты с финансами вспомнил. Облагодетельствовать, оно, конечно, можно и даже необходимо, но и о себе любимом забывать не грех.

Задумался и прослушал, что там мне конструктор дальше вещает. Извинился, переспросил. Понятно, в ближайших планах руководства переносить производство «Муромцев» на Корпусной аэродром. Там и места больше, есть где развернуться, и само лётное поле под боком будет. А зачем? Так и спросил:

– Игорь Иванович, а для чего так далеко забираться, через весь город? Вот же под боком Комендантский аэродром? Тем более у вас уже и ангары под мастерские на нём почти закончены, а там всё с нуля начинать?

Ответа на свой вопрос так и не получил. Изобретатель только вздохнул тяжело и промолчал. Понятно, всё как всегда и везде. И разговор как-то разом скомкался.

Тут же я познакомился и с Поликарповым, двадцатитрёх-летним молодым инженером. Именно он и занимался этими поплавками – его, так сказать, вотчина на заводе. Вот и подброшу ему свои идеи-вспоминания о предположительном составе дюралюминия, пусть с технологами разбирается. Сошлюсь, что слышал от кого-то когда-то. Отмазка, конечно, детская, но вдруг прокатит?

Познакомился я и с директором завода, и с председателем правления. То есть, если правду сказать, это со мной их по-

знакомили. Климексеев, директор. Ничего о нём не помню, поэтому просто познакомился. Почему бы и нет? А вот Шидловский... Михаил Владимирович... Увлечённый любимым делом. Даже несколько авантюрист по своей натуре, которая вскоре и сыграет свою значимую роль в его дальнейшей судьбе. Человек на своём месте. Голова! Со своей знаменитой шикарной бородой! Именно через него мне и удалось вживую познакомиться с его императорским высочеством великим князем Александром Михайловичем...

Сидим с Михаилом в фанерной богатырской утробе, осваиваемся, автоматические навыки нарабатываем. Прикидываем, где именно и как расположить пулемётные точки, секторы обстрела определяем и нарезаем, как лучше бомбы грузить и сбрасывать. Нет, тут уже вроде как всё определено, но есть одно «но». Нам не совсем нравится то, что уже определено. С точки зрения нашего опыта. А, вернее, с моей точки зрения и моего опыта. Поэтому сегодня вечером обязательно необходимо встретиться с полковником Глебовым, предварительно договориться с ним, и пусть он дальше согласовывает с начальством задуманные мной изменения. Хотя, насколько я успел понять конструктора, просто так договориться с ним не получится. Обязательно придётся доказывать, спорить. Поэтому полковник-то договариваться пойдёт, куда он денется с подводной, как говорится, лодки, но и мне где-нибудь поблизости придётся покрутиться на всякий случай. Если я прав в своих предположениях. Может, при-

дётся обосновывать и доказывать свои... Нет, не требования и не просьбы даже, а... Да даже и не знаю, как и обозвать их, эти свои предполагаемые изменения. Может быть, это необходимость? Жизненная и, как я уже говорил, подкреплённая боевым, что в данном случае весьма не маловажно, опытом. А сделать это обязательно нужно здесь, когда есть под рукой необходимая производственная база и нужные специалисты!

Да! И ещё один, пожалуй, самый для меня основной момент. Непринципиальный, но тем не менее весьма важный. Вот не нравится мне автомобильная баранка на «Муромце». И не потому, что я к рогам в своём времени привык, а потому, что рога во всех смыслах удобнее. Мелочь, казалось бы, пустяк, но! Здесь же приходится постоянно смотреть за положением баранки, отвлекаться от более важных дел. Напрягает это. И хорошо бы на будущее обязательно установить дублирующее управление на этих самолётах для второго пилота. Так же удобнее и проще. А то сидишь в этой огромной кабине один, что до левого борта рукой не дотянуться, что до правого. Это я уже не говорю о том, что в полёте вниз за борт не посмотреть, только вперёд. Не дело это. И при выполнении посадки некомфортно. Зато, к чести конструктора, здесь приборы хоть какие-то есть – альтиметр и, о, чудо! Наконец-то установили компас! Даже что-то вроде простенького линейного авиагоризонта присутствует. Вот только с указателем скорости так ничего и не получается, нет их пока. Да, отвлёкся я что-то на воспоминания, слетел с темы...

Так вот, сидим мы с вахмистром в самолёте, замечаниями перекидываемся, думаем-обсуждаем, как в случае чего будем действовать. Дверка входная на борту чуть прикрыта, это чтобы ветер не так задувал, да тут же прихватизированной верёвкой в этом положении и зафиксирована. За ближайшую расчалку привязана, чтобы не хлопала.

Погода вроде бы как с самого утра отличная, но небольшие тучки изредка на небо набегают, тогда и ветерок порывами по земле проносится, норовит внутрь пылюги надуть, дверкой хлопнуть. А закрывать её нет возможности, будет не то что темно, а просто сумеречно. Это впереди светло – в пилотской кабине окошки большие, а тут, в хвостовой части фюзеляжа – темновато. В отличие от пассажирского варианта на этой модели всего несколько маленьких квадратных окон по всему корпусу, и всё. Так-то вроде как и видно всё, но нам-то с Михаилом требуется гораздо больше освещения, пока мы по закоулкам ползаем. Вот сейчас себе вариант необходимой перепланировки нарисуем и в мастерские отправимся. В сборочные. Там на месте будем уточнять и согласовывать с мастерами наши желания и реальные возможности. Пока на уровне разговоров. Поползаем по голому скелету фюзеляжа, по рёбрам шпангоутов и стрингеров, прикинем, получится ли сделать так, как нам нужно. А дальше займусь чертежами с помощью Михаила, само собой. Потому как правильно угадал я в своё время, есть у него соответствующее образование, и не такой он простой человек.

К вечеру предварительные наброски сделаем, чтобы было с чем к Глебову идти.

До Игоря Ивановича, само собой, про наши расспросы и ползания в мастерских враз доведут, но к тому времени, я так надеюсь, уже и Глебов вплотную к делу приступит. На чертежи много времени не нужно, они тут пока и в виде простых схем сойдут. Главное, договориться, найти общий язык с Сикорским, получить его принципиальное согласие. А там найдётся, кому эти схемы в чертежи превратить.

Снова отвлёкся. Так вот, ползаем мы, значит, с Михаилом по самолётному чреву, бумагу мараем, на поднявшийся снаружи шум и суматоху соответственно никакого внимания не обращаем, не до того нам, сами должны понимать. На четырёх костях потому что большее время, да ещё, извиняюсь, задом кверху. Только лишь и услышали, что кто-то в кабину заглянул. Даже не услышали, а просто на какой-то миг резко потемнело в кабине. Судя по тому, что сразу же дверку закрыли – нас не заметили. Да и тяжело нас в хвосте заметить. В здоровом уме там просто нечего делать.

Пришлось так задом и выбираться нам из хвостовой части фюзеляжа, призывая про себя, само собой, на голову вредителя всяческие кары с помощью распространённой повсюду ненормативной лексики в более или менее приличных выражениях. Иначе бы Михаил меня не понял. Да и никто бы не понял – не пристало офицеру настолько грубым языком вслух выражаться. Не в окопах, чай. Так что ползу спиной

вперёд... Или не спиной? Или в этом случае назад? Да какая разница! И бурчу вполголоса всякие несуразности, так чтобы и не разобрать было, что именно, и понятно стало, что я недовольство своё таким образом выражаю. Вот уж приспичило какому-то лешему нашу верёвку развязывать. Теперь вот снова придётся вылезать и дверь фиксировать в полукрытом положении. И на тебе, в этот момент дверь снова распахнулась. А мы к ней задом, да на четвереньках. Меня и накрыло от раздражения.

Первым делом на обычных любопытствующих визитёров погрешил, по-накатанной вслух чертыхнулся, мол, ручонки бы за отвязанную верёвочку кое-кому пообрывать. Она у нас, дверка, в конечном итоге была ограничена в своих возможностях тут же найденной верёвкой, привязана так, чтобы в одном положении находилась и по борту не стучала. А тут раз, и с помощью чьих-то шаловливых ручонок закрылась. А затем снова распахнулась. Ну, я и чертыхнулся. Потому что зря пришлось вылезать!

Обернулся через плечо, голову поднял, а там посторонний в кабину заглядывает. Нижний обрез дверного проёма фигуру ровно по пояс обрубил, к нам как раз верхняя половина и заглядывает. На свет только силуэт и виден. И видно, что силуэт этот в форме, потому как уж очертания фуражки на голове ни с чем не спутаешь. И прямые контуры плеч явно на погоны указывают. Пришлось раздражение своё резко в себя же и затолкать. Да уже поздно было! Слово вылетело,

попробуй вернуть.

А вокруг тишина-а... Снаружи то есть. Аэродромной суety совсем не слышно. Птицы только разорались во всю глотку. Как-то сразу на это внимание обратил. Обычно там, снаружи, хоть какой-то шум да есть. То гремят чем-нибудь, то что-то перетаскивают, то ещё какая-нибудь суматоха, без этого не бывает. Это не говоря о рабочих разговорах и обычной аэродромной шумихе. А тут тишина! Сразу насторожился, язык свой поглубже упрятал, прищурился, так и стараюсь через плечо рассмотреть визитёра. А потому что пока ещё мне никак не развернуться, товарищ мой впереди или позади, не знаю, как в этом случае будет правильно, – ползёт, соответственно мне мешает.

Краем глаза через плечо-то назад поглядываю, увидел взметнувшуюся с колен фигуру Михаила, тут же громкий и глухой удар от соприкосновения его головы с фанерным потолком кабины, сдавленный «Ох!», стук коленей грохнувшегося на пол Михаила, и снова тишина.

Ну и я, хоть пока ничего и не понял, но на всякий случай быстро пополз вперёд или назад, к свободе, оттеснил товарища к борту, протиснулся мимо, а там и на ноги поднялся, развернулся, только голову к подбородку прижал, чтобы Михайлов подвиг не повторить.

– Кто такие?!

В проёме люка только силуэт, против света ничего не видно, а начальственный рык быстрого ответа требует. А что это

именно оно, начальство, так по рыку сразу понятно стало.

– Поручик Грачёв, вахмистр Лебедев! Изучаем материальную часть самолёта! – отрапортовал молодецким голосом. Потому как пятая точка именно так порекомендовала сделать. Видимо, грядущие неприятности почуяла.

– Грачёв, Грачёв... Лебедев... Что-то такое мелькало недавно... Так... Команда на построение не для вас?

– Ничего не слышали, ваше... – замялся, потому как всё так же ничего против света не вижу, как ни стараюсь. Не привыкли пока глаза к перемене освещения. Ну да, это же я в самом хвосте находился, мне там всяко темнее было. Лишь Михаил за спиной как-то подозрительно часто меня кулаком в бок толкает, что сразу насторожиться заставляет.

– На выход! Оба!

– Есть! – полез к выходу, гадая, чего плохого мне от этого визитёра ожидать, потому как хорошим я за эти месяцы явно не разбалован.

– Грачёв, Лебедев... Ревель? Точно, Ревель! – наконец-то освободил проём неизвестный, отодвинулся в сторону, скрылся за обрезом люка, пробормотал в полной тишине вполголоса. Потому и услышал его бормотание. А на лётном поле даже птицы примолкли и ветер утих. Интересно...

Пока выползали из чрева самолёта и выпрыгивали на землю, глаза привыкли к свету, можно было не щуриться. Сразу в процессе выползания и успел осмотреться. Понятно, высокое начальство пожаловало. Не в плане своего роста, хотя и

роста этому начальству хватает. Явно на голову выше окружающих, и это оно ещё у самолёта находится, остальные же чуть поодаль теснятся. А если всех в ряд поставить?

Утвердился на земле, мешковатый комбинезон оправил, складки на животе постарался за спину согнать, насколько это возможно. При этом выпрямился, вытянулся во фронт, глазами высокое начальство ем. А как иначе? Ещё Пётр Первый эту истину на все века вперёд озвучил. Главное, вид иметь лихой и придурковатый, дабы не смущать своим умом это высокое начальство.

Михаил спрыгнул, пришлось мне чуть в сторону переступить, чтобы локтями с ним не толкаться. Как же плохо не от мира сего быть! Придётся мозги напрягать, хотя они у меня и так чуть ли не плавают от напряжения. Гость высокий, по должности и званию высокий, не по росту, хотя и по росту соответствует, но об этом я уже упоминал.

И Михаил его точно знает, потому что вон как суматошно меня в спину кулаком пихал. Кстати, больно пихал, надо будет потом ему на это попенять.

Значит, это наверняка кто-то с самого верха, судя по погонам, аксельбантам и отношению сопровождающих его лиц. Да и поведение такое, соответствующее... Опять же мордороты в охране... Великий князь? Кроме него вряд ли кого может нелёгкая на аэродром занести, да ещё и в самолёт носом сунуть? Он же шеф Императорского военно-воздушного флота, ему, так сказать, по велению сердца и души, не

говоря уже и о должности, это положено сделать. И растительность на лице характерная такая для Романовых, запминающаяся. И не только растительность, а и черты лица. На ныне царствующего Николая Второго похож. Больше-то я никого из них не помню.

Ну и что мне ему отвечать? Если спросит, само собой. И при этом нужно умудриться под возможную раздачу не попасть, потому как сопровождающих у гостя хватает, и все в немалых таких чинах. Погоны и аксельбанты так золотом и сверкают.

Мысли промелькнули в одно мгновение, я только-только складки комбинезона за спину согнал и в сторону шаг сделал, освобождая место Михаилу. Да вытянулся, строевую стойку принял. Ждём-с.

От сопровождающей высокую особу группы офицеров и штатских лихим фертом подлетел к князю офицер, что-то зашептал тому на ухо. А князю не понравилось. Что? Услышанные сведения? И рядом с нами как-то незаметно несколько мордovorотов образовалось – единственное, что пока под руки не хватают.

– Так почему команды не слышали? Или слышали, но решили не выполнять? – уточнил свой вопрос Шеф, обозначив кивком осознание доведённой на ухо информации и согнав эмоции с лица. А как его ещё называть про себя? Не полным же именем со всеми причитающимися ему званиями? Пусть так и будет. А вот наушника он сразу же отослал назад, это

хорошо. Только чуть заметно бровью повёл, и тот сразу retirовался. Я и то с трудом заметил, да и то только потому, что лицом к ним стоял. Однако князь ждёт, пора отвечать.

– Никак нет! Так точно! – вытянулся ещё сильнее, поедая глазами начальство.

А ведь раскусил он меня. Вон в глубине глаз князя хитрые чёртики играют. Стою, краем глаза точно так же вытянувшегося и замершего сбоку от меня вахмистра вижу.

– Го-осподи-ин поручик... – чуть-чуть, еле заметно протянул моё звание князь, а сразу стало понятно, что дальше дурака валять не следует. Пришлось выражение своего лица чуть-чуть попроще сделать и ответить более внятно и развёрнуто.

– Команды не слышали! Да вообще ничего не слышали, потому как увлеклись изучением материальной части самолёта и наброском необходимых предварительных изменений в конструкции... – и попытался стрелки перевести. – Кто-то заглядывал в кабину, но мы не разглядели кто именно. И нас в темноте не увидели, потому и не предупредили.

Так лучше будет. Вон сразу его своей заумной фразой с толку сбил. Не ожидал князь от меня такого. А мой перевод стрелок вообще не заметил или внимания не обратил. Облом-с.

– Вы ещё и инженер? А Игорь Иванович знает о ваших устремлениях к изменению конструкции его детища?

– Пока не знает. Но будет знать!

– Так... – Александр Михайлович, его императорское высочество великий князь на практически незаметное мгновение задумался и решил сменить тему разговора: – А страшно было на немецкие крейсера в атаку идти?

– Страшно ли? Пожалуй, нет, не страшно, – чуть потянул фразу, вспоминая свои ощущения перед атакой. Сколько времени с тех пор прошло, а всё словно вчера было. Честно продолжил: – Скорее, азартно. Опять же, если правду сказать, в той атаке никакого риска не было. Ну, почти никакого. Не думали, да и не ожидали немцы, что мы на этукую наглость решимся. Потом, конечно, опомнились, сообразили, да уже поздно было. Да ещё и Михаил постарался, пулемётным огнём их хорошо причесал.

– Как? Причесал? Интересное выражение, – и перевёл взгляд на Михаила. – Вахмистр, вас же в том самом бою ранило?

– Так точно, ваше императорское высочество, – пустил петуха Лебедев, вытягиваясь ещё сильнее. Хотя куда уж сильнее...

– Та-ак. Что за изменения вы задумали? – снова сменил тему князь.

Пришлось рассказывать, а потом и показывать на пальцах в кабине самолёта, где именно и почему мы хотим сделать пулемётные гнёзда. Вроде бы удалось разумно объяснить и убедить Александра Михайловича. Хотя было трудно. Харизмой князь так и давил, сбивая с мысли неожиданными во-

просами, бесцеремонно перебивая в процессе разъяснений.

Бедолага Сикорский извёлся весь снаружи. Внутри его никто не пустил. Те мордovorоты вообще никого к кабине не подпускали. Так что общались мы с его высочеством наедине.

Потом наверняка придётся перед Игорем Ивановичем объясняться и извиняться. Не успел я, к сожалению, с Глебовым пообщаться, всё откладывал и откладывал это мероприятие. Думал, соберу в одну кучу все мои пожелания, тогда и поговорю сегодня вечером. А оно вон как вышло. Как бы отношения с изобретателем после такого совсем не испортить. Вот кто меня за язык тянул со всеми этими изменениями? Оправдался, называется. Лучше бы отмолчался.

А потом меня и Михаила выпроводили, правда вежливо, из самолёта, а его салон мигom заполонили сопровождающие князя лица. И каждый из них, пробираясь в салон, хоть краем глаза, но косился в мою сторону. Уф-ф, свершилось именно то, о чём меня предупреждал перед отъездом из Ревеля Александр Васильевич Колчак. На пустом месте умудрился нажить себе огромную кучу недоброжелателей. Ещё бы, столько времени одному мне великий князь внимание уделил... И принесла же его нелёгкая...

Глава 2

Всё, высокие гости скрылись в чреве самолёта, остались мы с Мишей у приоткрытого люка в гордом одиночестве и в полной тишине. Впрочем, соврал, не в полном одиночестве, но в тишине-то точно. Охрану я не посчитал, тех самых мордovorотов. Только так думаю, толку от них в случае чего будет мало. Это я из только что произошедшего такие выводы делаю. А если бы в самолёте не мы, а кто-то другой – с недружественными намерениями – прятался? Что бы тогда было? То-то! Ладно, пока я всё равно ничего не могу сделать и ни на что не повлияю. А выводов из этого происшествия, мне кажется, никто так и не сделал. Да что там кажется! Уверен!

Ладно, и куда нам теперь? Как-то оставаться здесь не хочется. А что там за построение? И я закрутил головой по сторонам.

Понятно. Это мне просто из-за фюзеляжа не видно. А стоит только чуть-чуть, буквально на несколько шагов в сторону хвоста сместиться, и оп – возле недавно построенных ангаров вытянулась неровная шеренга аэродромного народа. И все в мою сторону смотрят. Ну-ну. Головёнки набок поворачиваете. Хотя я-то тут при чём? Это они высокого гостя стараются увидеть и запомнить. Дабы было, что потом рассказывать всяким любопытным. Семье, например, у кого она есть. Ну и так далее. Так что не обольщаемся, не на меня

смотрят, не заслужил я ещё подобной известности.

Вот же засада! Удрать не получится. Хотя почему не получится-то? Мы тут сами по себе, ни к кому не приписаны, ни от кого не зависим и ни перед кем не отчитываемся за свои поступки. Поэтому аккуратно беру Михаила за рукав и тяну в сторону.

Трудное это дело. Он же, как и все, уставился на дверной проём «Муромца» и застыл на месте. Поэтому пришлось приложить больше усилий, чтобы стронуть его с места. Получилось! Так бочком, бочком обошли самолёт и, словно по-другому и быть не может, обогнули строй и скрылись за ангаром.

Одну из основных заповедей мудрого служивого исполнили – держаться подальше от начальства. В смысле от такого большого, незнакомого, а потому и непредсказуемого. Да и там, в свите, ещё столько всякого разнообразного начальства, что ну их куда... далеко!

А потом быстренько скинули комбинезоны и переоделись в свою повседневную форму. И отправились домой. В смысле в гостиницу. На сегодня у нас рабочий день закончен. Появилась прекрасная возможность с полковником Глебовым встретиться...

Свободно покинули аэродром, оставили за спиной ангары. Кручу головой по сторонам, вызывая сим действием явное недоумение Михаила. Наконец он не выдержал и при- тормозил меня вопросом:

– Сергей Викторович, ты чего так головой крутишь? Что случилось-то?

– Да пытаюсь хоть какую-то охрану увидеть.

– Какую охрану? – удивился мой товарищ.

– Какую-какую... Да ту самую! Которая должна князя охранять!

– А зачем? От кого охранять-то?

– А ты считаешь, что не от кого? Ну-ну... – глянул искоса на удивлённого моими словами Михаила и ускорил шаг. – Ладно, пошли быстрее, у меня сегодня дел ещё мно-ого.

– погоди, я спросить хотел. Ты что, великого князя не узнал? Ну, там, в кабине? – задумался на мгновение над моими последними словами Лебедев и всё-таки решил продолжить разговор.

– А как бы я его узнал? – попытался отговориться. – Я же в самом хвосте сидел, в отличие от тебя. Ты же мне весь свет своим широким задом загораживал. А потом пока развернулись, пока глаза к свету привыкли...

– А-а, понятно тогда. А я уж подумал... – и замолчал, спохватился.

А мне интересно стало, что же такое он мог про меня подумать. Какие ещё тараканы в его голове бегают? Спросил, не постеснялся. Ответу несколько удивился.

– Да обо всём этом! – решительно махнул рукой мой товарищ. – Как можно великого князя не узнать? Ну ладно, глаза к свету не привыкли, а потом-то? Я же видел, что в

тебе никакого почтения к нему нет. Словно не понимаешь ты, кто перед тобой стоит. А так не бывает, не видел я ещё такого непочтительного отношения к... К великому князю, в этом случае. Словно не от мира сего ты. Или ты из этих? Из социалистов? Ответь. И главное. Знаю, что русский, что нашего роду-племени, а иногда как скажешь что-то этакое, так прямо оторопь и берёт. Не может русский человек такое говорить и так себя вести. Опять же в церковь ты не ходишь, не крестишься никогда, значит, и в Бога не веруешь. Скажи, как такое может быть? И ещё много всякого в тебе, непонятного для меня. Это другим оно всё незаметно, а я-то сколько времени с тобой рядом нахожусь...

— О, как! — А ведь придётся что-то отвечать. Вот до чего демократия в наших рядах довести может. И ведь я сам настоял на подобных отношениях, на приятельских. Хорошо хоть ума хватило сразу предупредить товарища, что подобные отношения только наедине возможны, когда вокруг посторонних глаз нет. Он вроде бы и сам в подобных вещах соображает неплохо, сообразил бы, никуда не делся, но тут уж я перестраховался и предупредил. Как знал. А вот теперь изволь выкручиваться. Только как? Ладно, попробую, переведу стрелки. — Эх, Миша, Миша. У каждого из нас свои секреты. И у тебя они есть. Я же не спрашиваю, каким образом ты такой умный в солдаты попал? Из тебя же образование так наружу и лезет, сколько бы ты простым крестьянином ни прикидывался. А я... Я тебе рассказывал, что после аварии

разбился и частично память потерял? Рассказывал. Ты просто забыл. Поэтому просто имей в виду, что многих вещей я не то что не знаю, а просто не помню.

– Частично же? А тут... Это как вот такое может быть? И великого князя не помнишь?

– И его. Да почти никого не помню. Поэтому и стараюсь с людьми поменьше знакомиться, чтобы впросак не попасть.

– А знания? Почему знания из твоей головы никуда не пропали?

– Спроси что-нибудь полегче. Доктор в госпитале сказал, что голова предмет мало изученный, и что в ней происходит – никому доподлинно неизвестно. Кстати, потому и в церковь не хожу, хотя крест всегда ношу. Потому что ни одной молитвы не помню. Что я там делать буду? Своим незнанием к себе внимание привлекать? Так мне его и так достаточно, чужого внимания-то...

– А...

– Миша, хватит, – оборвал его на полуслове. – Ты уж определись, со мной дальше идёшь или без меня. И, кстати, о себе-то ты мне ничего так и не рассказал.

– А что мне о себе рассказывать, – отвернулся и как-то сразу сдулся мой спутник. – Батя собрался насильно оженить, вот я и удрал.

– Что? Так просто? – А я-то себе нафантазировал! А тут, оказывается, простая бытовая элементарщина. – А зачем удрал-то? Жил бы себе спокойно, жена всегда была бы под

боком.

– Это потому ты так говоришь, что той жены не видел. Деньги моему отцу понадобились, вот он и решил с моей помощью положение и поправить.

– Ладно, понятно. Твоё дело, и ничего говорить не буду. Так что решил? Ты со мной или?

– Да куда я от тебя денусь? – глянул искоса, хмыкнул весело. – Опять же, где я ещё такие награды получу? А там вдруг и офицерское звание выйдет... Тогда даже папаян мне слова против не скажет...

Прошли несколько шагов в тишине, и Михаил снова подхватился, вспомнил:

– Так от кого охранять-то великого князя? От бомбистов?

– От них, от них. Да мало ли ещё от кого подобного! И ни охраны вокруг, ни полиции, ни жандармов нет. Глупость какая-то... Мы вон свободно мимо прошли и тихонько ушли. Никто никакого внимания не обратил. И любой так же смог бы. И не только уйти, но и войти... Миша, давай ты об этом позже спросишь? Ну, нет у меня сил сейчас разговаривать!

На удивление, окончание этого дня прошло спокойно, никто нас не побеспокоил. Да и на завтра всё пошло по заведённому распорядку, словно вчера ничего и не было. Ну и славно! И с Глебовым я встретился, теперь вот жду окончания его переговоров с Игорем Ивановичем. Получится или нет? Должно же получиться? Ведь лучше же делаем?

Скоро и меня выдернули в кабинет. Пришлось давать более подробные объяснения и обосновывать планируемые изменения. Объяснил и обосновал, как сумел. Увидеть результат этого обоснования не успел – снова попросили пойти погулять. Ну и ладно, подожду.

А через часок и сам Глебов на улице появился. Красный и потный. Ничего себе! Каков изобретатель-конструктор! Закалённого полковника ушатал до такого состояния!

Поспешил навстречу и уже на подходе увидел довольную улыбку Глебова. Неужели получилось?

– Конечно, получилось! – подтвердил мои предположения Александр Фёдорович. – Самолёт наш, поэтому все работы полностью под нашу ответственность. Пришлось согласовывать их выполнение рабочими мастерских и утверждать время и сроки проведения работ. Да и то, вряд ли всё так бы просто оказалось, если бы не уточнил, что всё будет оплачено нашим ведомством. Только тогда и удалось договориться, но за каждый рубль пришлось сражаться. Крепок инженер, несмотря на молодость. Даже не ожидал такого. Уф-ф... В Москве-то попроще было...

– Когда работы начнутся? – задал самый главный для меня вопрос.

– Да завтра с утра и начнутся. Игорь Иванович обещал приступить к выполнению договорённостей, не дожидаясь перечисления обговорённой суммы. Ну и я со своей стороны потороплю Адмиралтейство. Сергей Викторович, у вас

ко мне ещё какие-нибудь вопросы есть? Нет? Ну, тогда прощайте...

И Глебов поспешил откланяться. И я раскланялся, стараясь опередить полковника. А то как-то не по себе стало — Александр Фёдорович старше меня и в званиях, и по должности, это не говоря уже о возрасте, а я тут торможу... Но всё равно на душе тепло стало. Значит, серьёзно меня он воспринимает, с уважением относится.

Поторопился обрадовать новостью Михаила. На этой ноте даже решили посетить местную ресторацию и поужинать. Правда, особо отмечать сие событие не стали, побоялись сглазить, ну и обошлись без горячительных напитков. Просто посидели, поговорили, отвели душу. На людей посмотрели и себя, так сказать, показали. Меня никто не узнавал, в мою сторону пальцем не указывал, к моему глубокому облегчению. А публика в зале собралась разношёрстная. В том смысле, что перемешались мундиры и костюмы с платьями. А вот простого народа не наблюдалось.

Вечер закончили чаепитием. Соседи при этом так явно на нас покосились, удивились, похоже, столь редкой в этой ресторации картине, но сильно постарались своего удивления не показать. А мне было как-то всё равно.

Михаил после позднего ужина отправился в номер, а я решил перед сном прогуляться. Не люблю с полным животом в постель ложиться. Эх, сколько раз себе говорю, что вечером есть нужно меньше, а никак со своим желудком договорить-

ся не получается. Хотя это он впрок отъедается. Наверняка предвидит наступающие трудности...

Редкие уличные фонари разгоняют ночную темень в стороны, за ограды и редкие деревья, и ещё сильнее уплотняют её в подворотнях и дворах. Нечастые встречные прохожие торопятся по своим неотложным делам, прошмыгивают мимо, косятся искоса на мои погоны. На всякий случай руку рядом с кобурой держу, мало ли кого ночной порой на улице встретить можно.

Хорошо! Воздух пока ещё тёплый, осенней промозглостью и не пахнет. Единственное, что эту вечернюю идиллию портит, так это периодически налетающий ветер с реки. Проходящий в этот момент до костей. Бр-р. Однако пора возвращаться.

За всеми своими размышлениями и воспоминаниями я и не заметил, как несколько кварталов отмахал. На автомате ноги сами понесли в сторону завода. По привычному уже маршруту. Опомнился только тогда, когда знакомые решётки ограды и мастерские увидел. Что ж, пора разворачиваться.

И уже совсем было развернулся, как впереди отметил некую несуразность. Боковым зрением зацепил. И пока голова удивлялась приоткрытой двери в будку караульного, тело уже начало действовать.

Чуть присел, длинным мягким шагом перетёк под защиту ограды, спрятался в её тени. На улице, правда, и так темень,

хоть глаз коли, но так оно надёжнее будет. Рука скользнула вниз, к бедру, пальцы отстегнули клапан кобуры, потянули наружу ребристую рукоять револьвера.

Ещё сильнее присел, чтобы меня не видно было через решётку на фоне реки, медленно и осторожно двинулся вперёд. Ну не может дверь в это время оставаться открытой, не положено.

Тихо вокруг, ни звука. Только подсыхающие листья деревьев где-то над головой шуршат. И луны, на моё счастье, в этот момент нет, за облаками спряталась. Это хорошо, что спряталась, потому что мне это сейчас на руку.

Замер, остановился. Ну и куда я лезу? Что, собрался через открытую дверь проходить? А ведь там светло, сразу меня и заметят. Не пойдёт! Револьвер на место, застёгиваю клапан кобуры, проверяю, надёжно ли. Отступил чуть назад, ухватился руками за верх чугунной решётки, оттолкнулся от земли одной ногой, потом и другой от какой-то завитушки толкнулся, промежуточную опору нашёл. В два движения перемахнул через ограду, мягко приземлился на другой стороне, придерживаясь рукой за чугунину и смягчая приземление. Вот что зарядка животворящая с телом делает!

Зря я на деревья и кустарник грешил, именно сейчас они оказались как нельзя к месту. Вслушался в тишину. Вроде бы тихо вокруг, даже редкие по эту пору на улице прохожие куда-то враз пропали. Револьвер в руку и вперёд. Вот и сторожка впереди. А внутрь заглядывать не хочется. Пото-

му как светло там. Кому не надо сразу меня обнаружат. Ладно, лучше гляну, что там с караулкой. Присел, наклонился почти к самой земле, метнулся через дорогу. Прижался спиной к стене, отдышался, вслушиваясь в ночь. Не заметили! А в караулку дверь-то закрыта. Ну, то, что она закрыта, это понятно, а вот то, что доской подпёрта, это не дело. А кем подпёрта? Где все враги-то? Никого не слышу и не вижу. Тут и луна на краткий миг проглянула, двор осветила. У меня даже сердце в пятки провалилось. Меня же сейчас на фоне стены отлично видно! Быстро огляделся. Нет, всё равно ничего постороннего не вижу. И через кусты я крался, никого не слышал. Ладно, доска пусть так и остаётся, не хочу шуметь, вдруг кто-то за двором присматривает.

Здесь оставаться нельзя, нужно вперёд пробираться. Но через освещённый луной двор не пойду, вдруг всё-таки кто-то за ним присматривает. Так, а с какой целью сюда злоумышленники залезли? Заводоуправление?

И я вдоль стеночки покрался вперёд. Ну вот наконец-то что-то прорисовывается. Возле входной двери тёмный силуэт виднеется. На фоне стены черным пятном выделяется. И луна как раз скрылась. Тихо-тихо, на цыпочках медленно пробираюсь вперёд. По-другому никак, только вдоль стеночки, потому что пространство всё открытое. Так неудобно эта дверь расположена, точно по центру здания. Не могли сбоку её сделать, приходится теперь изгаляться, рисковать своей шкуркой.

Мысль о шкурке промелькнула и пропала. Потом, всё потом. И как он меня не видит? Головой по сторонам крутит, прислушивается. Ну, пусть прислушивается. Здесь меня ветерок с реки прикрывает. А я ещё на него ругался. Зря.

Всё, дальше нельзя, спинным мозгом чую. Пальцами левой руки нашариваю на земле камушек и плавно бросаю его вперёд. Фигура впереди резко разворачивается на шум падения, вскидывается изломанной чёрной ветвью рука.

«Да он вооружён!» – краем приходит понимание, а я уже пружиной распрямляюсь и прыгаю вперёд, рукояткой револьвера резко бью сбоку в голову. Подхватываю обмякшее тело левой рукой, правой пытаюсь перехватить оружие. Не получается, у меня же в ней свой револьвер. Хорошо ещё, что здесь грунт, а не твёрдое покрытие. Поэтому чужой пишет мягко и беззвучно шлёпается в подсыхшую грязь. Но не так беззвучно, как мне бы хотелось. Всё-таки он шмякается с глухим стуком. Впрочем, тут же успокаиваю сам себя, это мне слышно, поскольку я рядом. А для других, да на фоне шороха листвы вряд ли что можно понять.

Оглядываюсь, а, скорее, вслушиваюсь в окружающую ночь. Тихо всё. Вытягиваю ремень из штанов раскинувшегося на земле тела, свиваю двойное кольцо так, как в детстве учили, и стягиваю им руки преступника за спиной. Его же картуз вбиваю ему в рот, пусть так полежит. Надо бы его прикончить, но рука не поднимается. Понимаю, что глупость несусветная, оставлять за спиной живого противника, но по-

ка ничего с собой сделать не могу. Не воспринимаю я серьёзно всё происходящее, словно немое кино смотрю с собственным участием. И ведь точно знаю, что не кино, а... Ладно, куда теперь? Внутрь?

Осматриваюсь, а точнее вслушиваюсь в темноту и ничего кроме шороха листьев не слышу. Значит, точно внутрь.

И я тяну на себя тяжёлую дверь. Мерзкий скрип разрывает ночную тишину. Проскальзываю на небольшую площадку холла, секунду раздумываю, куда двигаться дальше? По лестнице вверх? В кабинет Сикорского? Шидловского? Или в боковой коридор к кассе? Какая у грабителей цель?

– Что там? – сверху раздаётся чужой голос.

Вот и нет у меня альтернативы выбора. Не в кассу мне, а вверх, к кабинетам начальства.

– Что молчишь, Хмурый? Кому было сказано на улице оставаться? Хмурый? – в голосе спрашивающего проскальзывает тревога, и темноту разрезает луч фонаря. Бьёт по глазам и гаснет, оставляя после себя боль и яркие цветные пятна. А ведь вроде как успел зажмуриться и не помогло. Отшатываюсь в сторону и прижимаюсь к стене.

Тут же грохочет выстрел, и чётко слышу, как пуля впиивается в доски пола. Там, где я только что стоял. Шаг вперёд и выстрел в ответ. Почти наугад, по памяти. И тут же назад, под прикрытие стены. Всё, поиграли в демократию и терпимость – хватит. В глазах прыгают разноцветные пятна, крепко зажмуриваюсь несколько раз, ещё сдвигаюсь в сторо-

ну на пару шагов и чуть отворачиваюсь, стараясь боковым зрением поймать хоть какое-то движение наверху. Этот приём срабатывает, успеваю заметить метнувшуюся тень. Тут же стреляю в это движение, слышу вскрик и, плюнув на всё, несусь вверх по лестнице широкими шагами, перепрыгивая за раз через несколько ступеней. Замираю перед площадкой, прижимаюсь к ступеням, почти распластываюсь над полом, вслушиваюсь в тишину. Глаза зажмурил, опасаясь очередной порции света.

В здании ни звука. Лишь моё запалённое дыхание разносится по площадке. Стоп, какое такое моё? Я же совсем не запыхался, так что это не я!

Призрачный бледный свет проясняет темноту, это за окнами союзница-луна выглянула из облаков, к моему счастью. Потому что успеваю приоткрыть глаза и заметить стальной отблеск лежащего совсем рядом фонаря. Того самого, выпавшего из руки подстреленного бандита.

Тихонько тянусь к лежащей коробочке, грохочет совсем рядом выстрел, руку бьёт и обжигает, а я стреляю на вспышку, прокатываюсь через площадку и стреляю ещё раз на стон. И замираю. Тишина. В лунном свете еле заметно клубится дым сгоревшего пороха, кислый запах щиплет нос.

Сколько их? Ещё кто остался или уже всё?

На улице сухо трещит приглушённый окном револьверный выстрел, заставляя напрячься. Тут же ему в ответ вторит звонкий винтовочный. Через секунду вспыхивает короткая

заполошная стрельба и сразу же обрывается, в стёклах лестничного окна заметались изломанные в лунном свете тени. Кавалерия подросла...

Тьфу ты. Караул на свободу вырвался. Двойное оконное остекление позволяет слышать практически неразборчивую ругань снаружи, команды начальника. Снова скрипит входная дверь и остаётся открытой. И никто не заходит. Опасаются. И правильно делают.

– Здание окружено! Выходите по одному, оружие перед выходом выбрасывайте на землю!

Я даже хмыкнул от удивления. Прямо чем-то родным повеяло.

– А некому выходить! – пришлось ответить. – Двое их тут пока было, да ещё один на улице рядом со входом должен лежать связанный. Вы там посмотрите внимательно.

– А ты кто?

– Поручик Грачёв. Лётчик.

– Знаем такого. Только сам понимаешь, поручик, это только слова. Ты бы спустился вниз и во двор вышел.

– Не могу, коридоры держу... – Вот оно мне нужно, спуститься-то? – Лучше уж вы сюда поднимайтесь.

– Уверен, что больше никого не осталось?

– Потому и говорю, что поднимайтесь. Потому как совсем не уверен.

– Поднимаемся.

Входной проём двери внизу на мгновение заслонила чья-

то тень, скользнула к лестнице и замерла в неподвижности.

– Да поднимайся, лестница безопасна. Я на верхней площадке, коридор в обе стороны держу.

– Ну что тут у тебя? – На ступеньки рядом со мной мягко опустился начальник караула, обдал крепким запахом табака и пота.

– Один перед тобой, видишь? Второй вон там, чуть дальше по коридору, – качнул револьвером, указывая направление. Руку дёрнуло резкой болью. Прошипел сквозь зубы. – Больше никого не вижу и не слышу. Но одному идти проверять как-то не хочется.

– Это понятно, что не хочется... Подвинься... – приподнялся и обернулся назад. Скомандовал: – Поднимаемся наверх, осторожно. И проверяем коридоры с кабинетами.

Чтобы не мешать солдатам, вжался в стену, а потом и вообще спустился вниз на несколько ступеней. Уселся, оперся спиной на балясины перил. Всё, моя война здесь закончилась. Отвоевался. Мимо один за другим протопали солдатики, скрылись в левом и правом крыле. А мне пора на выход.

На улице дождался начальника караула, коротенько, буквально в двух словах, рассказал о последних событиях, да распрощался, сославшись на боль. Дождаться приезда начальства и полиции не хочу, если кому буду нужен, завтра пусть меня вылавливают.

Пока шёл до гостиницы – рука разболелась. Рукав кровью пропитался. И течёт ведь еле-еле, а всё равно весь мундир

измазюкал. Расстегнул пуговицы на манжете, закатал рукав, осмотрел рану при скудном свете фонаря. Царапина, ничего страшного, пуля вскользь прошла, чуток шкуру попортила. Кровь почти остановилась.

В номере с помощью Михаила перевязался, отмылся и застирал китель. Придётся завтра новый заказывать, не ходить же с заплаткой на рукаве. И ладно бы дырка маленькая была, так ведь нет, пуля вдоль руки прошла и ткань порядочно так разворотила. Наверное, потому я сильный рывок и почувствовал. Коротко, буквально в нескольких словах рассказал товарищу о произошедшем и завалился в кровать. Прогулялся перед сном, называется.

Наутро разбудили рано, резким стуком в дверь. Пришлось Михаилу вставать и встречать непрошенных гостей. У меня сил открыть глаза не было, слышал стук сквозь сон, но так и не проснулся. И вчерашние события за ночь успели забыться.

Спать не дали, затормошили за плечо. Пришлось просыпаться. Кто там ещё? Михаил тормозит. А ещё кто? О, полиции не спится! Сразу в один момент и проснулся, и вчерашнее припомнил. Сел на кровати, голова тяжёлая, да ещё и руку дёргает. Скривился при неосторожном движении, ухватился за предплечье, зашипел от боли.

– Что там у вас? – тут же насторожился полицейский.

– Зацепило вчера пулей, – примостил руку на колено, чтобы не тревожить.

Миша дёрнулся ко мне, засуетился. Остановил его, не врем-
я.

— Так, погоди, — поднялся на ноги. — Чем обязан, господа?
Пришлось собираться и ехать в участок.

К счастью, времени это у меня много не заняло. В основном мной заинтересовались жандармы. Дело-то выходило политическое. Диверсия в военное время на военном же производстве. Дал показания, расписался, где положено, пообещал никуда пока не уезжать. Ну и порекомендовали посетить доктора. А то я сам не знаю. Руку-то всё сильнее и сильнее дёргает, терпеть сил нет. Зато разузнал вкратце, что произошло ночью. Оказывается, одновременно с нападением на завод напали и на аэродром. Хотели моего «Муромца» сжечь. Хорошо, что тамошний караул чётко сработал, вовремя заметил проникновение на охраняемую территорию и предотвратил теракт. В перестрелке удалось подстрелить одного из нападавших и разговорить его. И моего стреноженного бандита допросили, как только тот в себя пришёл. Слишком сильно я его рукояткой револьвера приложил. Ещё бы немного и допрашивать было бы некого. Даже не отреагировал на такую претензию.

Больше вопросов ко мне не было, поэтому скоро я был свободен. Хорошо хоть порекомендовали ближайшего нормального доктора... Там приняли сразу же, обработали рану, перевязали, выписали рецепт и отпустили домой с наказом обязательно посетить аптекаря. А в случае чего немедленно

обращаться снова.

Ох, рана пустяковая, а болит просто жуть. Доктор сказал, что это от ожога. Пуля обожгла мягкие ткани, мышцы со шкуркой то есть. Те, что не ободрала... Не знаю, может быть, так и есть.

А через пару часов меня снова вежливо доставили в тот же полицейский участок. Доктор заложил, свой гражданский долг выполнил. Слов не хватает. Матерных в основном. Полицейские направляют к нему, а он в свою очередь закладывает им меня. Круговорот какой-то получается, замкнутый круг. И ведь не скажешь ему ничего, потому как прав он полностью. Хорошо хоть забыть обо мне господа полицейские ещё не успели, сразу же разобрались и отпустили.

Всё, назад в гостиницу и отлёживаться. Там Михаил должен был лекарства из аптеки принести и перекусить что-нибудь сообразить. У меня самого сил нет куда-то там идти. И не хочется...

К обеду порошочки и мази подействовали, рану уже не так дёргало, даже появилось желание вылезти из кровати и прогуляться до ресторана. Что я и сделал. Михаила не было, он убыл к самолёту. А что? Нечего ему у меня над душой стоять, пусть лучше делом займётся. Сегодня же с утра должны начинать работы на нашем аппарате, вот пусть и крутится рядом, контролирует процесс, так сказать. А вечером мне доложит о результатах. А я пока поем и газеты прикуплю, свежие новости изучу...

А новостей в информационном поле хватало. Писали об успешном наступлении армии Ренненкампа, о походе эскадры адмирала Эссена к острову Готланд, о подвигах русских авиаторов на южном фронте. Последнее прочитал в первую очередь и более внимательно, потому как сразу же в заголовке увидел знакомую фамилию и чуть ниже нечёткую фотографию, на которой тем не менее угадывалась знакомая физиономия.

Сработала моя закладочка. Не зря я вёл в Москве разговоры с Нестеровым. Отказался он, судя по этой статье, от своих таранов, от нереальных или смертельно опасных для собственной жизни прожектов с тросами и якорями, решил по моему примеру установить пулемёт на свою машину. Теперь летает и успешно сбивает вражеские аэропланы с небес. Тут же и ещё одна фотография бравого пилота прилагается в завершение развёрнутой статьи. На фоне своего самолёта. Молодец!

А в походе Эссена активно использовались для разведки гидросамолёты. Противника, правда, не обнаружили, сходили и спокойно вернулись обратно. Снова что-то новенькое. Это наверняка инициатива Колчака с воздушной разведкой сработала. Только у меня сразу вопросы по этому поводу возникли. Расстояния-то огромные, те машины, что сейчас имеются в распоряжении Эссена на такую дальность полёта не способны. Даже мой переделанный «десятый» «Нью-пор» не дотянется без дозаправки. Тогда получаются только

два варианта. Первый, это посадка в открытом море рядом с кораблями и дозаправка... Но это возможно лишь при отличной погоде. Тут сразу возникает неоправданный риск, на который в здравом уме вряд ли кто пойдёт. Значит, остаётся второй вариант, с кораблём-носителем. И он мне кажется наиболее реальным. Был же подобный разговор и с Колчаком, и с Дудоровым. Неужели у них всё получилось? А почему бы и нет? Транспорт, подходящие для такого дела, имеются, переоборудовать их дело нескольких дней – убрать с палубы всё лишнее, установить подъёмную стрелу и готово. Затраты минимальные, а польза для дела огромная.

Вот только кто бы мне рассказал, в чём смысл этого похода? Показать всем, что флот жив и дееспособен? Ну не знаю, может быть. Нужно скорее возвращаться. Сегодня ещё отлежусь, а завтра обязательно на аэродром и буду постоянно контролировать рабочий процесс. Мало ли ещё что в голову придёт?

И ещё пару моментов. Со всеми этими событиями я совершенно забыл и про Котельникова с его парашютами, и про обещание самому себе напрячь мозги и постараться всё-таки вспомнить состав дюрала. Ведь знал же его, а значит, где-то в глубине памяти он у меня остался. Нужно только попробовать его оттуда вытащить.

Вернулся к первому развороту газеты. Пора и о главном событии прочитать. Так, что тут у нас на фронтах происходит?

А хорошо, что наступление Ренненкампа получилась успешным, что армия Самсонова осталась боеспособной. Потрепали её сильно, но полного разгрома, как в моей родной действительности, не случилось. Выдюжили.

Осталось убедиться в правдивости слов Александра Васильевича. Как он там мне говорил перед отъездом? Будет поражение – сделают вас крайним. А если успех – то вы-то тут при чём?

Ну и ладно, не за награды стараюсь... Хотя и за награды тоже, что уж перед самим собой-то притворяться? Хочется же, чтобы мои старания отметили. Тогда хоть понятно будет, что что-то куда-то движется, что не зря я здесь оказался.

И тут же укорил сам себя. А без наград не движется? Пётр Николаевич живой, немцев сбивает. Целая армия осталась неразгромленной, люди не попали в плен, уцелели и не сгинули, продолжают воевать. Вот мне самая главная награда! Так что успокаиваемся. На наш век ещё войны и наград хватит...

Отлежался, пришёл в себя после вчерашних подвигов, руку перестало жечь и дёргать. Вообще, странно, вчера я, можно сказать, подвиг совершил, теракт предотвратил, а вокруг тишина, как будто ничего и не было. Что за ерунда? Но этим же днём все мои сомнения разрешились. Уже ближе к ужину меня жандармы в очередной раз навестили. Снова. Ни их имён, ни фамилий я не запоминал, утром как-то не до того было, а вот сейчас постарался более внимательно отнестись

к этому визиту. Заодно, если получится и дадут такую возможность, задать им несколько появившихся у меня вопросов...

— ...Вот и всё. К сожалению, больше ничего добавить к своему рассказу не могу, — закончил я в очередной раз повторение моих ночных приключений.

Мне интересно, а что это они так ко мне прицепились? Вины я за собой не вижу, действовал правильно. По крайней мере, я так думаю. Или я остался единственным, кто хоть что-то может рассказать о вчерашнем? А как же мой пленник? Не удержался, спросил.

М-да, перестарался я с ударом. Всё-таки не пережил он его. Хорошо хоть что-то успел рассказать. Да видать мало успел. Вот что значит отсутствие реального опыта. Бил-то я и впрямь со всей своей дури. Потому что и страшно было, что уж греха таить, и торопился успеть разобраться с ним до того, как он развернётся в мою сторону. Револьвер-то у него в руке я сразу отметил. Поэтому и рисковать понапрасну не хотел. Да ладно, что я перед собой-то оправдываюсь? Бил так, чтобы у него никакой возможности к сопротивлению не осталось. Но всё равно надеялся, что он выживет. Ну и ладно, придётся теперь мозг напрягать и вспоминать все подробности. А я-то гадаю, почему они меня даже про акцент спрашивают. А аэродромный пленник? Он-то куда делся? Впрочем, если спрашивают, значит, так нужно.

Промурыжили меня долго, но и свои вопросы я всё-таки

задал. Первым делом спросил главное. Почему на аэродроме при визите великого князя даже оцепления не было выставлено?

Ответа, само собой, не получил, но удостоился ещё одного внимательного взгляда. Ох, что-то я слишком много внимания привлекаю к себе любимому. Ну и ладно, не для себя же стараюсь!

Поэтому задал ещё один вопрос. Такое важное производство, а охраны никакой. Про аэродром я молчу, они молодцы, не подвели, а тут? Что это за караульные, которых можно закрыть в караулке? Ну ладно, возле мастерских ветеран не оплошал, не спал, среагировал, как положено, открыл ответную стрельбу. Уцелел сам и подал сигнал своим товарищам. А в караульной будке? Кстати, он остался в живых, или...

Или. Именно поэтому ко мне столько внимания и вопросов, как к единственному свидетелю, который преступников вживую видел. Какое там вживую? Темно же было!

Расстались вполне дружески. Не вижу никаких причин к существующей в армейской среде неприязни к этому отделению. Они честно делают свою работу. Пусть грязную, но грязной её обозвали и сделали вот как раз те, кто вчера пытался мастерские сжечь. А если учесть, что это не просто мастерские, а единственное в стране производство по выпуску «Муромцев», то сразу возникает вопрос, кому это нужно! Поэтому я спокойно пожму и, кстати, при прощании действительно пожал руки жандармским офицерам, вызвав

этим жестом явное удивление последних. Вот снова забыл их имена и фамилии. Или они так представлялись, чтобы я не обратил на это никакого внимания? Ну и ладно.

В гостинице как раз Михаил объявился. Сразу наседать с расспросами не буду, пусть приведёт себя в порядок, потом спустимся в ресторан пообедать... То есть поужинать! Что-то я с этими размышлениями и разговорами совсем потерялся и про обед забыл. Да и какой обед, если я с самого утра из полицейского участка не вылезал. Хорошо хоть перекусить успел. Тот перекус никак полноценным обедом не назовёшь. И к тому доктору я больше не пойду, потому что не хочется его в неудобное положение своим визитом ставить. Он же тоже свой гражданский долг выполнял. И я его прекрасно понимаю, потому и придётся поискать другого. Или не придётся, вдруг перевязки больше не понадобятся, а рана... А рана сама заживёт.

Утро начал с посещения аэродрома, посмотрел, как производятся работы на самолёте. Судя по всему, ещё день-другой и их закончат. Наконец-то можно будет начинать осваивать самолёт. А то всё на земле да на земле, пора бы и в небо подняться, посмотреть, на что он способен. Вдруг удастся ещё что-то сделать, пока мастерские под боком?

Михаил остался, а я отправился зализывать раны. Не срослось. Потому как перехватил посыльный.

Пришлось возвращаться в заводоуправление, разговари-

вать с Игорем Ивановичем, вытерпеть бурную восторженную речь в свой адрес. В довершение был вынужден посетить кабинет Шидловского. На счастье, здесь обошёлся лёгким рукопожатием, и всё. Потому как рука болит и на перевязи висит у всех на виду. Боевое ранение, слов нет. Правда, пообещали отблагодарить за проявленное мужество, но позже. Потом, как я понимаю. Половину. Ну-ну. Меня бы устроило небольшое денежное вознаграждение, потому как на командировочные особо не разгуляешься, саквояж мой не бездонный, а денежное содержание офицера не настолько велико, чтобы можно было не оглядываться на повседневные траты. Да и нет давно того денежного содержания.

Откланялся и покинул территорию завода. Пора пообедать и нанести визит Котельникову. Пора знакомиться лично...

Исполнить задуманное после обеда помешала рука. Рану начало сильно дёргать, пришлось вернуться к себе в номер, спокойно полежать какое-то время.

Чертыхнулся про себя на раздавшийся стук в дверь, поднялся на ноги с кровати, придерживая левой рукой больную правую, пошёл открывать. Ба-а, мой вчерашний доктор. Ему-то что здесь понадобилось? Посторонился, отшагнул, пропуская внутрь визитёра.

– Прошу прощения за визит, молодой человек. На перевязку я вас так и не дождался, из чего сделал для себя вывод, что вы или не приняли во внимание мои слова об обязатель-

ном утреннем посещении моего кабинета, или обиделись за моё сообщение о вас в полицию. Я прав? – развернулся ко мне доктор.

Придерживаю руку, так оно вроде бы не сильно дёргает, соображаю, что ответить. Пока соображал, доктор не выдержал и продолжил:

– Что, болит? Присядьте вот сюда и покажите, что там у вас с раной. И постарайтесь меня понять. Рана у вас огнестрельная, требует немедленного оповещения полиции.

– Доктор, всё я понимаю. Но какая может быть перевязка, если меня с самого утра по полицейским участкам и жандармам затащали? – не выдержал и всё-таки уколол визитёра. Мелко? Может быть, зато сразу же легче стало и руку вроде бы как даже меньше дёргает.

– Но ведь отпустили? Получается, вины на вас нет, а это главное. Голубчик, не стойте, присаживайтесь к столу. Я же вижу, как вы морщитесь и за руку держитесь. Болит? Вам сейчас покой требуется и рану никоим образом нельзя тревожить. Вроде бы и пустяк, а какое-то время требуется отлежаться, – журчит успокаивающий голос, тихонько позвякивают на стерильной салфетке раскладываемые медицинские инструменты. Запахло спиртом. – Успокоились? Тогда прошу вот сюда, на этот стул. И, право слово, простите старика. Никак нельзя было по-другому.

– Доктор, да нормально всё. Понимаю вас.

– Понимает он, видите ли. А мне, старому, пришлось всё

бросить. И кабинет, и пациентов. И самому тащиться через полгорода. А я уже не в том возрасте, мне такие нагрузки противопоказаны, – тут же забурчал доктор.

А не зря ли я его простил? И какие такие полгорода? Здесь же всего квартал с небольшим пройти нужно? Ладно, пусть бурчит, зато дело делает. А за визит ему всё же огромное спасибо, какие бы мотивы им ни двигали. Рука-то действительно сильно разболелась...

Глава 3

Этим вечером так никуда и не поехал, хотя и собирался. Хитрить и оправдываться сам перед собой не стал, не поехал, потому как я тоже не из железа сделан и просто устал. Вот так вот. Устал. Можно было сослаться на больную руку, но это уже будет лишним, хотя причина тоже очень уважительная.

Воспользовался своевременным советом доктора и завалялся после осмотра в горизонт. Правда, спровадив прочь Михаила. А потому как нечего ему со мной в номере просиживать. Пусть делом каким-нибудь займётся, матчасть изучает, за работами присмотрит. Да мало ли какие могут образоваться дела в столице. Да ещё у молодого холостого мужчины, в последнее время противоположного пола не видевшего. Куда-то меня не туда понесло. Почему это не видевшего? Не на необитаемом острове, чай, проживали и проживаем. Ревель вполне себе достойный город, есть куда прогуляться, на что и на кого глаз положить, да и не только глаз, если правду сказать. Было бы желание и возможность.

А, кстати, что-то последнее я из виду упустил. А на какие средства существует мой товарищ? Что-то я ни разу не видел, чтобы он денежное содержание получал? И здесь... Ну, здесь-то понятно, командировочные нам выдали и на проживание тоже не... Хотел сказать – не поскупились, но вспомнил о размере этих командировочных и проглотил не успев-

шую вылететь фразу. М-да, это я всё ещё пользуюсь возможностями моего саквояжа, потому мы и остановились в этом заведении и можем посещать местную ресторацию. И, судя по всему, придётся кое-что из своих запасов продавать. Потому как всё, край близится. Патентных отчислений нет и скоро не ожидается.

А ведь собирался кое-какие новшества продвигать.

И на какие шиши?

Забылся, сделал неуклюжую попытку руку за голову забросить и растревожил рану. Зашипел от боли, опустил её на место, левую использовал. Так, что я имею? А ничего. Тогда что нужно сделать, чтобы это ничего превратилось во что-то более весомое и материальное. Потому как такими темпами я ничего не добьюсь. А золотого запаса у меня нема, вернее, маловато его, к моему огорчению. Ну, добился я кое-каких успехов на военном поприще, получил кое-какие награды... И всё! Даже известность не приобрёл. Великий князь не вспомнил. А уверяли, что он якобы мне благоволит. Ага, так благоволит, что фамилию вспомнить не может. Так что с этим всё понятно. И за свои кровные заказывать производство необходимого вооружения с этой поры нужно заканчивать. Здесь Глебов обещал с переоборудованием и переделками помочь, в Ревеле – Остроумов. Вот и пусть помогают! А то я корячусь, воюю, можно сказать, героизм проявляю, даже умудрился бандитов побить, завод спасти, а кто-то со всего этого пенки снимает. Сколько уже времени с момента

наступления армии Ренненкампа прошло? То-то же. И тишина. Никто про мой вклад в это дело и не вспомнил. Так что нужно как-то жёстче себя вести, что ли?

Полежал чуток, помуссировал эту мысль в голове. А приятно вот так себя лежать и себя жалеть, мол, один я стараюсь, кручусь, а никто этого в должной мере не оценивает...

От этих мыслей скривился, словно лимон сжевал. Осталось только сплюнуть. Даже глаза вбок скосил. Некуда плевать, чистый пол с ковровой дорожкой пачкать не захотелось. Да и живу я тут, неужели в своём доме свинячить буду? Нет уж, не нужно мне такого счастья. И мысли подобные необходимо прочь гнать, до добра они не доведут.

Оценят мои жалкие потуги или нет, не в этом дело. А в том, чтобы вообще что-то пытаться делать... Вот через всё это болото пробиваться. Что-то же у меня получается?

Ну да. Получается. Только сколько я на всё это денег потратил. Собственных, можно сказать...

Снова мысли на больное соскочили. Видать, и впрямь всё в финансы упирается. А откуда их взять? Где добыть потребное для дела и, само собой, для меня количество этих разноцветных хрустящих фантиков?

Сикорский вон как мучается из-за их нехватки. А было бы финансирование достаточным, давно бы и подходящий двигатель сделали, и цельнометаллический моноплан соорудили...

Даже присел от этой неожиданной, пришедшей в голо-

ву мысли. Не отпуская её от себя, потянул остороженько дальше эту тоненькую нить, начал разматывать малюсенький клубочек откуда-то проявившихся воспоминаний. Точно, вспомнил! В Риге! Михеев мотор рядный сделал. И вроде бы как в следующем году. А кто мне мешает кое-что ему подсказать, подстегнуть, так сказать, прогресс?

И снова откинулся на подушку. Да всё мешает! В первую очередь деньги. А самое главное, я же не свободный человек, не могу поехать куда захочу. И скривился от очередного пришедшего в голову откровения. А толку-то, если бы даже и была она, эта свобода? Кто меня воспримет всерьёз? Да даже разговаривать не станут. Образования нет! Связей за спиной тоже нет!

Ну, с последним не всё так мрачно, кое-чего в последнее время добился, но это такие крохи, и уже мелькала как-то подобная мысль. Вот не удастся мне сохранить жизнь и здоровье Николаю Оттовичу, и всё... Сразу моё прогрессорство и накроется медным тазом.

Остроумов, правда, ещё останется. Но это такое слабое утешение. Как говорится, запасной вариант.

И снова я принял сидячее положение. А почему, кстати, запасной? Может, я просто не оцениваю все его возможности? Должным-то образом? А?

Например, если подкинуть ему эту идею с моторами? Заинтересовать выгодой? В условиях тотального голода в этой сфере разве дело не получится? Попробую обязательно! Что

ещё?

Почему-то поднял глаза к потолку, уцепился взглядом за одинокую трепыхающуюся тонкую паутинку на трёхрожковой люстре, понаблюдал за её жалкими попытками обрести свободу и неожиданно чётко увидел весь состав и процентное соотношение нужного мне сплава. Именно так. Сначала мне, а потом всем остальным!

Снова откинулся на подушку, выдохнул, зажмурился, замер на секунду и сразу подхватился на ноги, метнулся к столу, выхватил из командирской сумки карандаш и тетрадь, зашипел от боли в руке и лихорадочно принялся записывать вспомнившееся откровение. Ура!

Готово! Смотрю на исчерканный лист бумаги и не могу поверить в случившееся. Да, верил, что вспомню. Но чтобы вот так. Сразу всё вспомнить и настолько быстро и, главное, своевременно? А может, мне ещё немного в этой чудотворной кровати поваляться? Вдруг ещё что-то подобное в голову придёт?

Оторвался от стола, вернулся к кровати, присел, не выпуская из вида лежащей на столе тетради. А вдруг исчезнет? Снова подхватился на ноги, забрал со стола написанное, вернулся и сунул только что обрётённое сокровище под подушку. Теперь можно и прилечь.

Лежу. Левая рука под головой, взгляда от болтающейся паутинки не отвожу. И чётко понимаю, что никому вот эту формулу отдавать нельзя. Лучше всё самому сделать. Только

каким образом?

Остаётся только пожалеть об отсутствии необходимых связей. Да связи это ладно, по большому счёту они вторичны. Денег нет, вот где главный затык, вот в чём беда и основной камень преткновения. Выход нужно искать из сложившегося положения. Должен он где-то быть, просто обязан. Все же говорят, что полностью безвыходных положений не бывает. И я сам с этим утверждением полностью согласен...

Осторожный стук в дверь прервал мысли, заставил вернуться в реальность.

– Да? – привстал, оторвал голову от подушки.

– Не побеспокоим, господин поручик? – знакомый по утренним разговорам голос заставил окончательно встать на ноги. Быстрым движением руки пригладил растрепавшиеся волосы на голове, одёрнул китель, повёл плечами, принимая бравый вид. Что-то новенькое. До этой поры как-то никто подобного разрешения не спрашивал. Кто хотел, тот и приходил. И насчёт возможного беспокойства не заморачивался.

– Ни в коем случае...

Что я, враг самому себе? Таким людям, да ещё и при исполнении, отказывать? Однако несколько неожиданно. Те же самые посетители, жандармы. Только в несколько другом составе. А количество то же, переходящее в качество. Поручик и ротмистр. Стою, молчу. Жду, что скажут.

– Господин поручик, позвольте представиться, ротмистр Козловский, – представился старший офицер. Внимательно

вгляделся в моё лицо, похоже, что-то там увидел, потому как поморщился. – Как ваша рука? Рана не беспокоит?

– Поручик Грачёв, – представился в ответ. Ну, хоть кого-то из них запомню. – А рука... Дёргает, покоя не даёт. И вроде пустяк, царапина... Впрочем, ерунда. К делу. У вас ко мне появились дополнительные вопросы, господа?

– Да, требуется кое-что уточнить... Нет, здесь ответить не получится, – упредил мой очередной, теперь уже вполне осмысленный вопрос ротмистр. – Будет лучше, если вы проедете с нами.

Это что, уже арестовывать собрались? Так вроде бы не за что... А, ладно, грехов за собой не чувствую, даже как бы это сказать, наоборот. «Может, наградить хотят?» – промелькнула и пропала шальная мысль.

Отвечать ничего не стал. Развернулся, подхватил портупею, кобуру – сейчас, кстати, и посмотрим на реакцию жандармов. Не обращая внимания на тянущую боль, облачился, взял фуражку, глянул напоследок в зеркало, задержался на миг, вглядываясь в своё отражение. Подмигнул сам себе, подхватил косынку со стола, перекинул через плечо, пристроил поудобнее больную руку. Шагнул к двери, оставляя за спиной офицеров охраны, вышел в коридор. Никого. Это успокаивает. Оглянулся на замешкавшихся жандармов.

– Господин поручик! Настоятельно рекомендую дверь в номер на ключ закрыть.

– Думаете? Тогда... Чтобы не возвращаться... Ключик со

стола прихватите, пожалуйста.

Пошёл в сторону лестницы, услышал, как за спиной скрипнула дверь, щёлкнул замок и раздались торопливые шаги. Это хорошо, что никто из них в номере не остался.

Повезли почему-то не туда, где был в прошлые разы, а в сторону центра. Ротмистр заметил моё недоумение и сразу же объяснил:

– В управление едем...

Откинулся назад, постарался уложить руку, чтобы не так сильно трясло на брусчатке, прикрыл глаза. Что-то тяжело.

Очнулся от осторожного прикосновения к плечу. Приехали?

Дальше просторная парадная трёхэтажного длинного здания, караул на входе, лестницы и переходы. Наверх поднимаемся вдвоём с ротмистром. Кручу головой, интересно же. Чугунные балясины, стилизованные под двуглавых птиц, поддерживают истёртые дубовые перила. На верхней площадке витой красивый столб с фонарём. Не горит, потому как на площадке светло. На полу мозаика узором выложена. Красиво, что ни говори.

Стараюсь сообразить, куда меня ведут. А ведут меня, судя по всему, к кому-то совсем непростому. Сделанный вывод подтверждает просторная светлая приёмная, больше по своей обстановке похожая на обустроенную квартиру, и поднявший от бумаг голову адъютант в серебряных аксельбантах. А форма-то у жандармов, что ни говори, красивая.

Ротмистр шагнул вперёд, оставляя меня за спиной и давая время оглядеться. Успеваю заметить портал камина, облицованного светлыми узорчатыми изразцами, картину на стене справа с кем-то явно венценосным, и всё, дальше моё время на осмотр вышло.

Распахивается ещё одна, прямо противоположная от меня дверь, и мы входим. Мы – это я и ротмистр. Адъютант так и остаётся в приёмной. Ротмистр представляет меня, представляет и хозяина сего кабинета. Впечатлений много, да ещё и понятное волнение сказывается. Поэтому умудряюсь лишь понять, что это сам начальник, Джунковский.

Начало разговора выходит каким-то скомканным, отвечаю отрывисто и коротко. Потом беру себя в руки, успокаиваюсь, насколько это возможно, и наконец-то соображаю, что это рефлексы прежнего хозяина тела срабатывают. От злости на самого себя тут же остываю. Прихожу в себя, сосредоточиваюсь на собеседнике и разговоре. Получается.

Фух, слава богу, это я всего лишь пропустил самое начало разговора, где меня хвалят за проявленную доблесть и мужество. Отвечаю в таком же духе, с пафосом и цветистыми оборотами, больше всего стараясь не сбиться и не запутаться. Вроде бы получается неплохо. Ну, да, для человека следующего века языком работать не трудно, живых примеров подобных болтунов перед глазами хватало.

А потом генерал перешёл на доверительный тон, предложил присесть за стол и испить чаю. В первый раз за всё время

быстро осмотрелся. Сколько картин! Стены буквально от пола и до потолка ими завешаны. Даже большой гобелен между ними затесался каким-то образом. И в углу явно портрет хозяина притулился. Скромненько так...

Дважды себя упрасивать не заставил, присел на стоящий возле двухтумбового стола стул. Тут же словно по мановению волшебной палочки образовался давешний адъютант с подносом, осторожно сдвинул в сторону многочисленные подставки с фотографиями, выставил на салфетку чайные приборы, разлил горячий напиток.

Глупости, но всё это время переживал за адъютанта, как бы он своими аксельбантами чайник с чашками не зацепил. И когда тот удалился, я даже чуть облегчённо выдохнул. И поймал направленный на меня изучающий взгляд Джунковского.

– Не стесняйтесь, Сергей Викторович. Угощайтесь.

А что мне стесняться? И я потянулся за чашкой, вдохнул аромат свежезаваренного чая, прикрыл глаза. Хорошо.

– Сахар?

– Нет. Благодарю, – отказался и тихонько сделал маленький глоточек. Ну, чтобы не обжечься. Вкусно и хорошо. Вот чего мне не хватало сегодня...

Генерал терпеливо ждал, пока я наслаждаюсь чаем, точно так же неторопливо прихлёбывал из чашки и периодически внимательно всматривался в моё лицо. Еле заметно, пожалуй, одними глазами улыбался, когда я старался незамет-

но оглядеться по сторонам. Интересно же. Да за спиной ротмистр сидел и тоже с меня глаз не сводил. Что доставляло мне некоторые неудобства. Но только некоторые, потому как вины за собой я никакой не ощущал, да и не было этой вины.

А потом начался разговор. И с самого начала, с самой первой фразы очень для меня неприятный. Джунковский проследил взглядом, как я потянулся к столу, дабы поставить свою опустевшую чашку, и тихонько так спросил:

– Откуда у вас драгоценности, Сергей Викторович?

Чётко рассчитанный момент. Но какой-то подобной гадости я всё время подспудно ожидал, поэтому совсем уж врасплох взять меня не удалось. Постарался, чтобы рука с пустой чашкой не дрогнула. Получилось. Откинулся на спинку стула, поднял голову, пободался взглядами.

– А вы хорошо держитесь. Не хотите отвечать? Не буду настаивать. Сразу скажу, чтобы вы себе голову не ломали и не надумали чего-то такого, о чём думать не нужно. К вам по этому поводу никаких вопросов у отделения нет. Может быть, они имеются у департамента, но мы об этой мелочи им сообщать не собираемся. Успокоились?

Да я как-то особо и не успел взволноваться и запереживать. Большой вины за собой не чувствовал, не на себя любимого они пошли, а на благо страны. Правда, можно было попытаться вернуть эти деньги, но кому? Те коммерсанты сразу же за границу выехали, а сдавать их в тот же департамент... И что бы я тогда сумел сделать? А ничего! Поэтому

сiju спокойно и слушаю, что мне дальше скажут. Понятно, что это не основное, основное ещё не сказано. Спинным мозгом чую. И, кстати, а когда они успели в мой саквояжик заглянуть? Я же его вроде как в шкафу от лишних глаз укрыв? Значит, так укрыв. Да и то, всё время с собой его таскаю, нигде стараюсь с ним не расставаться. Вот и привлёк внимание. Хотел же в банк сдать... Хотя вру, последние дни он у меня всё время в номере остаётся. Получается, в моё отсутствие его и нашли. Это что, я такие подозрения вызываю, что даже пришлось в мой номер с обыском проникать? Возмутиться? Нет, пожалуй, не стоит, не тот случай. Да и поздно уже права качать. И как умудрились настолько быстро концы с концами связать? Но это всего лишь домыслы, слова. Пока нет моего признания в содеянном, ничего мне не будет. Да и так не будет, нет за мной особой вины. Ну да ладно, что там дальше?

– Да, Сергей Викторович, вы правильно подумали. Если бы вы эти деньги потратили на себя, на своё личное благополучие, то не сидели бы сейчас в моём кабинете и не распивали бы со мной чаёк. А поскольку деньги пошли на благое дело, на пользу империи, то пусть этот саквояжик так дальше у вас и находится. А мы ход делу давать не станем. Кстати, удовлетворите любопытство? Откуда ни с того, ни с сего у простого поручика, никогда ранее не блиставшего особыми знаниями и не показавшего значимых успехов по службе, вдруг такие способности и рвение проснулись? Откуда все эти патенты, изобретения и переделки? И ладно бы

что-то простое было? Так ведь это аэропланы... — Подождал десяток секунд, ожидая от меня ответа. Не дождался и продолжил: — Молчите... Тогда, может быть, ответите на другой вопрос? Ваша героическая и на удивление премного удачная атака на немецкие крейсера... Как вы умудрились оказаться в нужное время в нужном месте? Это я ещё про ваши снимки молчу. Пока. Те самые, которые вы в штаб армии Ренненкампа доставили. Кстати, вы и там умудрились отличиться. Разбомбили узловую станцию, эшелон, тем самым прервали переброску и снабжение немецких войск. В подробности вдаваться не стану, но это самое малое, что можно сказать вкратце о ваших подвигах. Итак, я жду вашего ответа, поручик.

Сижу, молчу. Все всё знают. Похоже, Ренненкампа не стал замалчивать моё участие в этом деле, а доложил кому следует. А я ещё на него грешил, плохое подумал. Получается, зря. Но это всё второстепенно. Главное то, что мне здесь и сейчас отвечать. И отвечать ли? Может, прикинуться валенком, сослаться на благоприятные обстоятельства... Генерал сам же подсказал, что я в Либаве оказался просто в нужное время? Может, именно этой версии и держаться? А зачем? Что я от этого выиграю? Может быть, именно сейчас и наступает переломный момент в моей жизни, в предстоящих нам всем событиях? Тот самый, для чего я здесь оказался. Ведь если мне удастся заручиться поддержкой корпуса в лице его командира, то многие вещи можно сделать и

значительно быстрее, и с гораздо меньшими затратами. Если срастётся всё как нужно, само собой. Рискнуть? Ведь не попробуешь, не узнаешь, что получится. А если на этом вся моя развесёлая жизнь и закончится? Если меня дальше в золотой клетке держать будут? Дилемма выбора... Как быть?

Так. Тут на одной чаше весов судьба страны, а на другой моя. Что важнее? Вот из этого и будем исходить. Лишь бы получилось! И я выпрямился на своём стуле.

– Я... – начал исповедь и сразу же сбился. Так происходящее напомнило избитый сценарий абсолютно всех попаданческих романов, что я прервался и замолчал.

– Что же вы остановились? Продолжайте, мы вас внимательно слушаем, – мягко подтолкнул к продолжению исповеди Джунковский.

Ах, ты! А ведь скоро слетишь со своей должности из-за интриг против Распутина! Это-то откуда я знаю?! Нет, понятно, что читал что-то где-то когда-то... Но чтобы вот так вспомнить в самый подходящий момент... А если всё сделать несколько иначе? Можно же попробовать? Правда, и в этом случае можно запросто оказаться в той самой клетке... Но пробовать не можно, а нужно. Смущает присутствие ротмистра за спиной. Как ни крути, а это ещё один свидетель того, что я сейчас собираюсь сказать. Настоять на конфиденциальном разговоре? Или не нужно? Так у меня хоть ещё один дополнительный шанс избежать клетки появится. Ладно, продолжим:

– Я иногда вижу грядущие события. Это у меня началось после ранения, – показал рукой на свой лоб.

– И-и?..

– И всё...

– Как всё?.. – откинулся в кресле Джунковский. Тут же вскочил на ноги, прошёл к окну, замер. Развернулся, бросил предостерегающий взгляд на ротмистра, подошёл вплотную и спросил: – Как часто?

– Если бы часто. Тогда и побед бы у меня больше было, – развёл с сожалением руками. И даже больная рука в этот момент никак себя не проявила. И ведь не соврал ни разу! Потому как мои знания истории, особенно этого времени, оставляют желать лучшего...

– Допустим. Хотя это и сомнительно. Куда уж больше... Нам только ещё одного Распутина не хватает! А в какой именно момент наступают эти ваши... – генерал покрутил ладонью, подбирая подходящее слово. – Видения?

А я задумался. Вспомнил реакцию Эссена на мои откровения о его возможной болезни. Он же тогда почти такими же словами на моё пророчество отреагировал. Получается, зря я именно так сказал? Нет, ничего не зря! Только так у меня появится возможность хоть как-то повлиять на ход событий! Эссен Эсеном, Колчак с Остроумовым, это всего лишь Колчак с Остроумовым, а начальник корпуса жандармов – это величина. Особенно в свете моих сегодняшних озарений. Однако пора отвечать, нельзя столь долго терпение вы-

сокого лица испытывать.

– В какой момент? Не знаю. Да вдруг – раз! И приходит озарение. И я знаю, что и как должно сделать. Или что можно ожидать скоро. Не понимаю, как это работает, но оно работает.

А что ещё мне говорить? Вот так сразу, с одного маха более достоверного объяснения не придумать. А это должно прокатить.

– Странно, – Джунковский отошёл, сел, забарабанил пальцами по столешнице, помолчал, не сводя с меня прищуренного взгляда.

В другой бы раз обязательно занервничал, но не сейчас. Сейчас я уже был готов к подобным мерам воздействия. Надеюсь, дальше эмоционального и психического давления дело не пойдёт. Не будут же из меня правду силком выбивать?

Глухой стук пальцев по дереву оборвался, генерал стремительно поднялся на ноги, оттолкнув при этом кресло, обошёл вокруг стола, наклонил ко мне голову.

– Но возможно... – и резко без перехода быстро спросил: – Что вы имели в виду, когда посетовали на отсутствие оцепления на лётном поле во время визита туда великого князя?

С самого утра ждал этого вопроса. Поэтому и ответил без задержки. Так, как думал. Проехался по действиям охраны, по её результативности, когда даже нас не смогли вовремя обнаружить...

Джунковский

«Да, лучше всего будет провести этот разговор в своих личных апартаментах. Всё-таки здесь обстановка менее казённая, домашним теплом отдаёт, расслабляет. Да и нет на первый взгляд никакой особой причины для этого разговора. Подумаешь, какой-то поручик обратил внимание на ошибки охраны. Но! Вот только охраны не кого-нибудь, а великого князя! Ведь случись чего – и первой именно моя голова с плеч полетит! И интуиция правильно подсказала в первый же день собрать все сведения об этом офицере. Результаты получились очень интересные! А уж выводы-то и вовсе удивительные! Чуть не проморгали такого любопытного персонажа! И она же, эта интуиция, сейчас настойчиво предупреждает о необходимости личной встречи. Именно личной, а никак не казённой и ни в коем разе не в служебном кабинете. Словно предчувствие какое-то душу теребит, не даёт покоя. А своим предчувствиям я привык доверять...» – думал командир корпуса жандармов, отдавая приказ ротмистру Козловскому:

- Павел Семёнович, вы уж аккуратнее там, со всей вежливостью. Не насторожите его раньше времени.
- Так всё равно насторожится, Владимир Фёдорович. Не в театр и не в ресторан приглашаем...
- Тут вы правы. Поэтому и предостерегаю вас – отнестись к поручению со всем тщанием.

– Будет исполнено, ваше превосходительство!

Козловский закрыл за собой дверь, а генерал ещё раз прокрутил в уме все собранные об этом поручике сведения. Нет ли где случайной ошибки в выводах? Поднял трубку, вызвал адъютанта:

– Поручика приму в своём личном кабинете. Все звонки переключите туда. И позаботьтесь о чае...

Грачёв

Был ли риск в моих откровениях? Безусловно! Но я в последнее время чётко понимал, что сам, в одиночку, ничего не смогу сделать. Нет возможности. И наработанные за это время связи не особо помогут. Не тот масштаб! И если появился хоть какой-то шанс что-то действительно сделать, даже не изменить, а сделать, попытаться из песчинки в механизмах истории превратиться во что-то более значимое, грех его не использовать! Правда, риск в этом случае возрастает многократно, но эта та необходимая цена, которую нужно уплатить!

А моё откровение явно выбило из колеи жандарма. Видно было, что в первый момент он несколько растерялся, даже опешил от моего признания. Явно не ожидал ничего подобного. Впрочем, нужно отдать ему должное – быстро пришёл в себя. И начал меня потрошить. Не в буквальном смысле, само собой, но душу мне вывернул наизнанку. Хорошо ещё, что память прежнего хозяина этого тела не подвела, выруча-

ла в слишком уж провальные моменты. И чем дальше шёл разговор, а всё-таки я его могу назвать именно разговором, а не допросом, тем чаще мне приходилось ссылаться на последствия ранения, на мою амнезию. Очень неприятно было не знать некоторых моментов.

Не знаю, к каким выводам пришёл генерал, но этот тяжёлый разговор в конце концов всё-таки завершился. И меня даже отпустили на свободу! Честное благородное слово, именно так я себе и сказал: «На свободу!» Потому что в конце разговора уже и перестал надеяться на его благополучный исход. Хорошо ещё, что на все вопросы о новых предстоящих событиях отвечал отказом. Мол, не от меня сие зависит, не властен я над приходящими видениями. Они то валом идут, а то ни одного нет. Вроде бы поверили. А точно это или нет, кто же мне скажет? Главное, отпустили. Или выпустили. Даже предложили доставить обратно, вернуть, так сказать, на то же место, откуда взяли. Отказался. Даже невзирая на больную руку. Да она уже и не болит. Почти. Так, напоминает о себе изредка, особенно при неудачном движении.

А я лучше пешком пройду. Прогуляюсь. Оно и для здоровья полезно, и на столицу полюбуюсь, а то всё времени не хватает.

Мои доводы сочли убедительными и соизволили отпустить. Ротмистр проводил до выхода на улицу. Распрощался, удивился моей протянутой руке. Ну да, тут я несколько пого-

рячился. По уму, так ему первому нужно было мне протягивать ладонь, он же старше по должности и званию, а я снова всё забыл. Это наверняка меня разговорами домучили, что я контроль утратил. Или уже их за своих считаю? Потому что, к моему облегчению, перед уходом мы договорились о следующей нашей встрече с генералом. На которой, уверен, всё и решится. Для меня.

Распрощался с Козловским, спустился со ступеньки, замер на секунду. Куда пойти, налево или направо? По идее, налево, само собой, но что-то глубоко внутри противится этому. И хотя через Троицкий мост мне до моей гостиницы добираться было бы ближе, но я решил пройтись по центру, полюбоваться красотами столицы. Хорошо бы и до Медного всадника дойти, если сил хватит.

Да и слева, даже отсюда видно, за домами дальше по улице начинается какой-то парк, а у меня нет никакого желания именно сейчас в гордом одиночестве находиться. Мне, наоборот, сейчас люди нужны, чтобы отдохнуть от зудящих в голове мыслей, сделать передышку, расслабить мозги. Позже обо всём произошедшем подумаем, постараемся грамотно проанализировать. Так что «налево» отпадает.

Тогда направо? И я развернулся в нужную мне сторону.

Брёл неспешно, глазел по сторонам на вывески. Рука так и болталась на перевязи, что избавляло от воинского приветствия старших офицеров. Чётким поворотом головы в нужную сторону это было делать несравненно легче.

Прошёл немного по Литейному проспекту, прогулялся не спеша по набережной Фонтанки, постоял у парапета, поглядел на волнующуюся воду, задержался у Михайловского замка. Что-то стало холодать. Дело к вечеру – с Фонтанки долетел заблудившийся пронзительный порыв ветра, заставил передёрнуть плечами от колкого озноба. Погорячился я в одном ките на улицу выходить. Да кто же знал, что так дело повернётся? Думал, по-быстрому съездим туда и обратно, а тут вон оно как получилось...

Прошедшая мимо быстрым шагом шумная стайка молодёжи заставила отвлечься от набежавших мыслей. Проводил взглядом понравившуюся симпатичную девушку в окружении молодых людей и смутился. Ещё больше смутился, когда та оглянулась. Неужели мой взгляд почувствовала?

Как-то особо не задумываясь, потянулся за ними следом. Ничего вокруг не изменилось, только вывески на фасадах другие, в отличие от моего времени, да вместо асфальта под ногами лежит отполированный булыжник.

Остался справа Михайловский сад, на улице уже заметно стемнело, начали постепенно загораться фонари. Извозчика, что ли, какого найти? Как-то вдруг сразу усталость навалилась, да и проголодался. Передёрнул плечами, бр-р, становится совсем прохладно, что-то я загулялся.

Группка молодёжи скрылась за углом следующего здания, свернула на какую-то поперечную улицу. Ну и я следом за ними повернул. И не то чтобы действительно мне та девушка

приглянулась, а как-то, скорее, на инстинктах ведомого. Они свернули, и я туда же. Потом опомнился, да разворачиваться не стал, всё равно в нужную мне сторону направляюсь. А вот об извозчике мысли всё сильнее донимают. Жаль, ни одного поблизости не видно, то один за другим мимо проезжают, а то словно все разом куда-то провалились.

О, молодёжь за углом здания столпилась, притормозила перед каким-то подвалом и поочерёдно начала в него спускаться. Может, в какой-нибудь ресторанчик? А что? Студенты в дорогой не пойдут, им сие не по карману и не по убеждениям. Да и в дешёвую забегаловку, судя по поведению и одежде, не полезут. Опять же еда там, вполне вероятно, имеется и неплохая она должна быть, потому как если она плохая, то студенты в такое заведение точно не пойдут. Ладно, решено, спущусь вслед за ними, хоть поем да силы восстановлю. А то что-то переоценил я свои физические кондиции. Или просто устал. Слишком много знаковых событий со мной в последнее время произошло.

Так, вот и угол здания. Не ошибся я в своих выводах. Точно, имеется за углом подвальчик. Что тут у нас? Что-то знакомое. Потому как царапнула взгляд вывеска над ступенями – «ПОДВАЛЬ БРОДЯЧЕЙ СОБАКИ». Точно, знакомое, крутится что-то в голове, где-то на самом дне памяти, но наружу пока не всплывает. Спускаюсь вниз, открываю входную дверь и... Приходится останавливаться. Потому что вход, точнее проход загораживает некий гражданин в штатском.

Не знаю, как на это реагировать, поэтому предпочитаю быстро осмотреться, сориентироваться.

При этом краем глаза замечаю, как его взгляд неприязненно скользит по моему лицу – лицо-то ему чем не нравится? Шрамом? Так его из-под козырька не видно, цепляется за фуражку, за погоны, наталкивается на перевязь и замирает, натолкнувшись на Георгиевский крест. Видимо, увиденное несколько не соответствует сложившимся в голове вышибалы представлениям, поэтому тот и не знает, как поступить. И я стою. Ну не отпихивать же его в сторону. И разворачиваться назад вот так сразу как-то не с руки. Да и публика под низкой кирпичной аркой потолка как-то примолкла вдруг и в нашу сторону смотрит.

– Боричка, да пропусти ты господина офицера. Видишь же, он не из этих наших столичных паркетных шаркунов, – к нам устремляется странного вида мужчина в возрасте. Почему странного? Да одет не пойми во что. То ли доктор, то ли военный, какая-то смесь непонятная из разнообразной одежды. Подхватывает меня под руку и проводит внутрь, попутно огибая и выговаривая на весь зал этому «Боричке»:

– Ты же видишь, офицер с боевыми наградами, опять же ранен, ему тяжело. А ты его не пускаешь... – и сразу же без перехода обращается ко мне и вежливо приглашает за свой столик. Проходим через арочный проход во второй зал, присаживаемся. И снова тишина, снова ко мне приковано всеобщее внимание. Впрочем, ненадолго. Посмотрели и оценили.

Почти сразу же под сводами раздаётся тихий неразборчивый шум, в котором изредка в момент всеобщей паузы можно выхватить какое-то слово.

Мой неожиданный заступник присаживается напротив, сразу же представляется, сетуя на то, что приходится представляться вот так, по-простому, и с любопытством скашивает взгляд на мой орден, на авиационные эмблемы и знаки, начинает мягко и ненавязчиво расспрашивать.

Господи, это куда я попал? Но в голове уже складывается общая картинка, которую расцвечивают наконец-то проявившиеся воспоминания. Представляюсь в ответ, одновременно пытаюсь незаметно оглядеться, ищу знакомые лица и не нахожу. Приходится сосредоточиться на разговоре, потому как мой собеседник не отстаёт, а через секунду и вообще огорошивает. Узнал меня каким-то образом и задаёт вопрос о той самой атаке на германские крейсера. И в этот момент зал замолкает. Вопрос услышали. Или притворялись, что заняты своими разговорами, создавали вид отсутствия, а сами присматривались и прислушивались к новому действующему лицу. Творческие люди, одно слово... И теперь всеобщее внимание приковано ко мне, ждут ответа. Ну, вообще-то внимания я не боюсь, это действительно не в атаку идти, но вот быть в центре внимания не особо хочется. Мне бы просто поесть чего-нибудь существенного да на творческих людей посмотреть, раз уж я сюда каким-то чудом забрёл. Можно сказать, к живой истории прикоснулся.

Но деться мне некуда, поэтому приходится в нескольких фразах удовлетворить неприкрытое любопытство моего заступника. На этом разговор не заканчивается, потому как вокруг авиации сейчас витает некий ореол загадочности, мужества и романтизма, что безумно нравится как раз вот такой богеме. Особенно её женской половине. Отбиваюсь от вопросов, вздохов и ахов общими ответами, ссылаюсь на усталость и якобы ранение, умудряюсь взамен рассказать парочку анекдотов в тему из моего времени, на что окружение реагирует вежливыми улыбками и редкими хлопками в ладоши, и, наконец, меня оставляют в покое.

Еды я так никакой и не получаю. Складывается впечатление, что для этого нужно было оставаться в первом зале, а здесь... Здесь мне подносят бокал вина, и на этом всё.

Уходить сразу не хочется, всё-таки вдруг мне повезёт, и я увижу Ахматову или Гумилёва. Тихонько интересуюсь у своего заступника, кто есть кто, и меня кратенько, в двух словах, просвещают о каждом. Я только успеваю крутить головой, вглядываясь в лица и фигуры за столиками. Слышу несколько известных имён и фамилий, стараюсь рассмотреть сии персоны. Уже совсем не хочется уходить, пригнулся как-то. И моё недолгое ожидание вознаграждается. В зале появляется Маяковский. В цилиндре, который каким-то чудом держится на его голове, несмотря на довольно-таки низкие проходы в зал, и в распахнутом настежь сюртуке. А где знаменитая полосатая кофта? Шум и гомон усиливаются, во-

круг Маяковского возникает быстрый водоворот его друзей и знакомых. На маленькую низкую сцену тут же выпрыгивает кто-то из присутствующих и с выражением что-то читает. Не прислушиваюсь, потому что не свожу глаз с высокой нескладной фигуры.

Вскоре появляется молодая женщина, как тут же меня просвещают, Ахматова, да я и сам вижу её узнаваемый профиль. Проходит к освободившейся сцене, оборачивается к залу и с грустью сообщает, что Николай уехал. Полк отправили воевать.

Так понимаю, что это она о Гумилёве. Жаль. Вот кого я действительно хотел бы вживую увидеть. Хотя сегодня я и так достаточно увидел, на всю жизнь воспоминания останутся!

Глава 4

Джунковский

Давно уже проводили к выходу поручика, а генерал всё так же неподвижно стоял у окна, смотрел отрешённо на улицу и ничего там не видел. Вновь и вновь возвращался мыслями к только что завершённом разговору, вспоминал и прокручивал в голове и пробовал на вкус буквально каждую произнесённую гостем фразу.

На город стремительно наплывали сентябрьские вечерние сумерки, и небо над крышами столицы окрасилось в причудливый бледно-розовый цвет заходящего солнца. И даже этого не видел погружённый в тревожные размышления генерал.

Ну кто мог предполагать, что простая на первый взгляд беседа с героем первых дней этой войны повернётся такой неожиданной стороной, – вглядывался в своё отражение в стекле Владимир Фёдорович. – Да ещё повернётся в довершение таким боком, которого он на дух не выносил. Как будто мало было ему постоянной головной боли от одного такого же нынешнего любимца императрицы! Правильно ли он поступил, отпустив этого Грачёва? Может быть, от греха подальше законопатить его в подвалы Петропавловки и забыть, как предутренный дурной сон? Может быть, может быть... Если бы не одно «но»! Этот странный поручик явно высту-

пал на его стороне. Иначе как объяснить предоставленную ему информацию о его, Джунковского, вероятном нерадостном и бесперспективном будущем? Само собой, информацией называть эти... Какие-то видения... Будет как-то слишком уж... Правдоподобно. Словно он в них полностью поверил. А такой слабости генерал в отношении себя допустить не мог! Но и отмахнуться от этих якобы видений – определение-то какое, чтоб они в пекле горели! – не позволял весь его многолетний жизненный и профессиональный опыт!

Вспомнив высказанное в самом конце разговора предостережение, Владимир Фёдорович раздражённо передёрнул плечами. Да уж, отмахнуться от сказанного не получится, придётся сегодняшней ночью опять не спать, снова и снова подробно вспоминать весь разговор, каждое произнесённое слово, анализировать поведение визитёра, интонации и мимику его лица...

Ничего. Если всё услышанное сегодняшним вечером хоть на какую-то десятую долю окажется правдой, то сегодняшняя бессонная ночь покажется слишком малой платой за его благополучное будущее. И не только за его...

Приняв непростое для себя решение, Джунковский разом повеселел, как это всегда с ним бывало после долгих размышлений, подмигнул своему отражению в тёмном стекле (кстати, отныне и навсегда в свете полученных предупреждений шторы нужно будет задёргивать), развернулся и направился к выходу. И обязательно нужно будет быстро собрать

всю необходимую по итогам прошедшего разговора информацию на существующие в стране на этот момент производства и подобрать подходящих людей. Само собой с мерами воздействия на них. Так, на всякий случай, время-то на дворе какое? Благо хоть это-то можно переложить на чужие плечи. На следующую встречу с поручиком нужно прийти подготовленным.

И снова генерал передёрнул плечами и поморщился. Ну не нравится ему эта чертовщина с предсказаниями. Чушь несусветная для истинно верующего человека. Но и не принимать во внимание после всего сказанного эту якобы чушь нельзя. Уже просто так не отмахнёшься. Слишком многое на карту поставлено...

Грачёв

Ну, в общем-то насиделся я в этом «Подвале», пора и честь знать. Накормить не накормили, но хоть отогрелся. Любопытство своё и интерес удовлетворил, можно и на выход. Да и душно здесь стало, табачный дым густой пеленой под сводами висит, клубится, когда снующая туда-сюда публика его головами задевает. На воздух хочу, в гостиницу, в кровать. И спать! Стихи стихами, а война по расписанию! Или работа! А у меня её сейчас хватает, особенно после визита к командиру особого корпуса. Кроме тяжёлого, но, как оказалось, такого нужного разговора с жандармом больше никакие мысли в голову не лезут. Какая уж тут может

быть поэзия! Разбивается хрустальная воздушная хрупкость рифм о приземлённую гранитную твердь бытия.

Извинился перед своим спутником, ещё раз поблагодарил за участие, распрощался и направился к выходу. Не успел сделать и пары шагов, как меня остановили громким, буквально на весь зал вопросом. Пришлось развернуться. Маяковскому больше всех неймётся, всё публику своим поведением эпатирует.

– Что, господин поручик, вам у нас не нравится? Герою окопов не до высокой поэзии?

И вид-то не сделаешь, что ничего не услышал. А у окружающих сразу глазёнки заблестели, особенно у тех, которые женского полу. Нравятся скандалы? А вот не доставлю я вам такого удовольствия:

– Нет, господин поэт. Дело не в том, что мне что-то нравится или не нравится. Завтра на службу вставать рано. Прощу меня извинить. Прощайте. Честь имею.

Раскланялся и развернулся к выходу. А что это все затихли? Пришлось быстренько оглянуться через плечо.

– То есть вы хотите всех нас упрекнуть в безделье? – А позу-то поэт принял какую эффектную! Как раз вот на подобную публику и рассчитанную. Одну ногу вперёд выставил, подбородок гордо задрал... Вот только не учёл, что голова при этом своей макушкой в табачное облако под сводами окунулась. И впрямь облако в штанах!

Еле-еле удержал себя от улыбки. Слишком уж пришедшая

в голову аналогия показалась неуместно смешной. Не поймут-с! Да что же ты не уймёшься? Публику решил за мой счёт поэпатировать? И нашёл же к кому приставать! Иди вон немцам лучше свои претензии высказывай. А народ-то с интересом смотрит, ждёт, что дальше будет. Но позволю себе всех разочаровать. Не стану в угоду этой публике в спор вступать, да и сил нет, честно себе признаюсь.

– Владимир Владимирович, не приписывайте мне свои мысли. Не все здесь с ними согласны. Ещё раз прошу извинить, господа, мне действительно пора.

И я нырнул под свод арки, не дожидаясь ответа. Миновал ещё один зал (вот где мне нужно было занимать столик – тут хоть чем-то кормят), дверь и ступени входа. Или выхода в этом случае. Поднялся на улицу, вдохнул полной грудью свежий холодный воздух. Хорошо! И, не оглядываясь, зашагал в сторону Невского проспекта. Поймать извозчика здесь в это время мне кажется маловероятным. Если бы в находящемся по соседству Михайловском театре что-то давали, какое-нибудь представление – тогда да, подобная возможность у меня бы была, а поскольку этого не происходит, то пока так придётся ножками, ножками.

Громкий топот за спиной заставил резко развернуться и высвободить больную руку из перевязи. Пальцы потянули клапан кобуры, нащупали ребристую рукоять револьвера и... Расслабились. А тело и ноги, наоборот, напряглись, приготовились к возможной стычке. Ну и чего ему неймётся?

Маяковский догонял меня широкими быстрыми шагами, так что полы расстёгнутого сюртука оставались где-то у него за спиной. Остановился в двух шагах, замер, вглядываясь мне в глаза. И вдруг сказал то, что я меньше всего сейчас ожидал услышать:

– Я тоже хотел в действующую армию, но мне отказали. Нашли причину – неблагонадёжность. Тоже мне, крючкотворы и бюрократы!

– А вы найдите меня завтра на Комендантском аэродроме, попробуем что-нибудь придумать.

Слова вылетели из моего рта как-то сами собой, словно под влиянием посторонней силы. Захлопнул рот, опомнился, да уже поздно стало. Вот мне оно нужно? Ещё и эти проблемы на себя взваливать? Получается, нужно...

Невский встретил яркими огнями фонарей, прогуливающейся разномастной публикой и наконец-то свободными извозчиками. Махнул рукой, привлекая к себе внимание – куда-то идти уже не было ни малейшего желания, забрался в пролётку, назвал адрес, забился в самый угол возка, показалось, что там будет теплее. Это хорошо, что верх поднят, не так ветром продувает. Эх, кто же знал, что мой сегодняшний день окажется настолько длинным?

А потом пришлось ещё отбиваться от расспросов Михаила, ссылаться при этом на действительную усталость, давать твёрдое обещание обо всём рассказать завтра утром и голодным лечь в кровать. К счастью, усталость быстро побе-

дила голодный вой недовольного желудка, и я – счастье-то какое – наконец-то провалился в спасительный сон.

Свой утренний рассказ отложил сначала до завтрака, а потом и до обеда, несмотря на настойчивость Михаила. Отделался парочкой общих фраз, и всё. Слишком дел много накопилось, и все они неотложные. Работы по переделке фюзеляжа идут полным ходом, а у меня возникли некоторые новые идеи. Пришлось вносить по ходу дела очередные изменения в конструкцию. К счастью, это никак не влияло на уже проделанную работу, ничего не пришлось переделывать и ломать.

Правда, на обеде отвертеться от расспросов Михаила не удалось, пришлось удовлетворять его измученное затянувшимся ожиданием любопытство...

А вечером обязательно нужно посетить доктора. На удивление, вчерашние похождения ничем плохим для моего здоровья не закончились. И рука почти не болела, так, чуть-чуть тянуло рану, и простуда на организм не навалилась. Так что к доктору и, если получится, всё-таки к Котельникову. Или с Котельниковым подождать? До следующего визита к Джунковскому? Генерал обещал насколько возможно быстро собрать всю интересующую меня информацию по нужным людям и производствам.

Вчера вечером после разговора в корпусе я как-то всё больше на эмоциях был. И ничего конструктивного придумать не смог. За ночь немного успокоился, по крайней ме-

ре, острые эмоции и впечатления от проведённого разговора ушли, и я начал думать более чётко и взвешенно. Вчера-то здорово напряг свои мозговые извилины – слишком неожиданным оказался разговор. Пришлось просчитывать каждое слово, контролировать мимику и интонации, лихорадочно пытаться выдернуть из глубин памяти всю необходимую для этой беседы информацию. И, кажется, у меня всё получилось. По крайней мере, сегодня и сейчас я нахожусь на аэродроме, а не в каких-нибудь застенках.

А что будет дальше? Отгоняю от себя этот преждевременный вопрос. Потому что ничего сейчас нельзя загадывать. Всё будет зависеть от того, поверит ли мне Джунковский и что именно скажет при следующей нашей встрече. Или сделает. Если поверит, то... И я снова обрываю себя, дабы не спугнуть удачу. Потому что это совсем другая фигура по значимости и абсолютно другие возможности по жизни. Ведь если всё срастётся как нужно, то... И я снова затыкаю неуёмный фонтан собственного воображения. Рано! После помечтаю, когда появится хоть какое-то реальное подкрепление этим мечтам!

И, вообще, благодаря своему вчерашнему вечернему визиту в «Подвал» я впервые настолько чётко определился со своим окончательным позиционированием к окружающей меня действительности. Всё увиденное там, в этом подвальном тумане сизого табачного дыма, так отчётливо напомнило мне о собственных метаниях, что я наконец-то понял,

для чего я здесь. Можно много успешно и красиво говорить о патриотизме, о жертвенности во имя великой России, но кроме болтовни ничего конкретного и полезного не делать. Сколько в том зале было экзальтированной молодёжи, а воевать отправился только один Гумилёв... Да и то отношение к нему у публики после такого поступка было несколько... Скажем так, таким непростым, неодобрительным. Единственно, выбивались из всего этого те слова Маяковского. Вот и посмотрим, найдёт ли он меня, или это так, болтовня пустая, под влиянием очередного порыва? Так что прочь все свои сомнения, отныне только вперёд, невзирая на трудности и личности. Впрочем, с моим везением находить общий язык с этими самыми личностями, пусть и на основе некоего послезнания, сомнений и быть не может. Нечего заниматься пустой болтовнёй и зряшными переживаниями – дело дельное делать нужно! И хватит ассоциировать себя с песчинкой в механизме развития истории. Гораздо лучше будет оказаться там в качестве булыжника...

Вечером же у меня состоялся только лишь визит к доктору. Никуда я больше не поехал. Рана моя успешно заживала, да я и сам это чувствовал, зуд стоял под повязкой такой, что никаких сил терпеть не было. Но перевязку на всякий случай сделали, сменили замазуюканную за эти дни косынку-перевязь. И всё! Удалось убедить себя пока никуда не высываться, остаться в гостинице и отдохнуть. Пока ещё есть такая возможность. Пусть Михаил один погуляет. Да он и не

возражает. И, судя по тому, как он бодро и весело собирается, у вахмистра всё на личном фронте в полном порядке. Вот хоть у кого-то всё хорошо!

За несколько последующих дней основные работы на самолёте закончили. Осталась всякая мелочь, вроде обтяжки и покраски.

Переделали практически полностью весь фюзеляж, теперь в пилотской кабине имеется неплохой обзор во все стороны, даже осевую черту на нижнем стекле чёрной краской нарисовали. Чтобы выдерживать прицельную линию пути на боевом курсе.

В его средней части, в полу – вырезали прямоугольный люк и поставили открывающиеся створки, собрали и закрепили механизм для подвески и сброса бомб с направляющими. Намучились с выбором подходящего места. Нужно было и общую прочность корпуса не нарушить, и соблюсти при этом нейтральную центровку, которая бы никоим образом не влияла на аэродинамические характеристики самолёта и его управляемость. При любой бомбовой загрузке. Ну, или при полном отсутствии оной. Пришлось усиливать центроплан и стойки шасси, так, на всякий случай. Решил перестраховаться.

В процессе всех этих переделок ко мне обратилось несколько молодых ребят из служащих на заводе, в этом году закончивших технические учебные заведения. Потому как

газеты не успокаивались и со всем присущим им апломбом превозносили героизм наших солдат и офицеров. Вот под их влиянием и возник в обществе с началом войны и первых значимых успехах на фронте небывалый энтузиазм и патриотизм. И этим молодым людям приспичило воевать. Как будто они на заводе мало для фронта делают. Но, как это всегда с молодёжью и бывает, убедить их в этом никак не получилось.

А потом мне в голову пришла одна замечательная мысль. А почему бы и не принять в экипаж парочку толковых ребят на должность авиационных инженеров? И кто-то же из механиков должен будет грамотно обслуживать эту технику на земле, готовить к полётам? Так что надо загодя побеспокоиться о нужных и полезных делу специалистах. Где я их буду потом искать? Единственное, как на такой отток кадров посмотрит Сикорский? А, ладно, надеюсь, да просто уверен, что с ним мы найдём общее решение, устраивающее все заинтересованные стороны.

Зато на его заводе сбросится напряжённость, пассионарная молодёжь перестанет бухтеть. Один будет бортовым инженером, второй – техником по авиационному и бомбовому вооружению, и двое-трое наземных специалистов. Осталось это решение согласовать с Адмиралтейством, выбить необходимые предписания и направления. Как всё это проверить, даже представления не имею. Но у меня есть полковник Глебов и, может быть, командир особого корпуса. Они

и помогут. А почему Адмиралтейство? Ну, мы же всё-таки в армии. И спецов этих нужно обязательно призывать на военную службу.

Поэтому никому из обратившихся ко мне ребят отказывать не стал, поговорил с каждым, выяснил, кто на что способен и на какую должность претендует. К моему удивлению, этот вопрос вызывал полное недоумение кандидатов. Да им просто по барабану было, где и кем служить! Главное, служить. Отечеству! Вот это правильный подход к делу. Это просто замечательный подход! И, главное, очень своевременный и нужный! Мне!

Конкретных обещаний никому не давал, но многозначительно предлагал на всякий случай готовиться к убытию и помалкивать обо всём. Почему-то в своих намерениях твёрдо был уверен и даже нисколько не сомневался, что всё у меня получится. И ребятам разрешат со мной улететь, и у меня в экипаже необходимые специалисты появятся. Больше всего из-за последнего довода был уверен.

И ещё одно. Неожиданное и не менее значимое событие сегодня произошло. Как-то я уже привык, что со стороны начальства особым вниманием не пользуюсь. А тут вдруг вызов в заводоуправление. Пришлось мне оставлять Михаила старшим на аэродроме, где мы потихоньку, втайне от всех проводили кое-какие специальные занятия с нашим будущим экипажем, переодеваться и мчаться в город со всей возможной скоростью. Скоростью пойманного на улице извоз-

чика. И, заметьте, за свой счёт мчаться.

На подъезде к воротам увидел высматривающего меня Сикорского. Пролётка ещё не успела остановиться, а Игорь Иванович уже подскочил вплотную, заглянул внутрь, обрадовался, лицезрея мою вопросительную физиономию, и зачастил, что было вовсе для него несвойственно:

– Сергей Викторович, ну что же вы так долго? Давайте, давайте быстрее вылезайте, машина ждёт.

Какая ещё машина? Расплатился с извозчиком, пролётка развернулась и неторопливо начала удаляться, а из ворот выехал этакий солидный лакированный чёрный автомобиль. Я таких ещё и не видел. С золотыми орлами на дверках, с российским флажком над капотом.

Притормозил напротив, распахнулась задняя дверка, и Сикорский нетерпеливым жестом пригласил меня загружаться. Нырнул внутрь, прямо под бок к сидевшему у противоположной двери Шидловскому. Плюхнулся на широкое кожаное сиденье, мягко просели подо мной подушки роскошного дивана, поздоровался и только открыл было рот, чтобы поинтересоваться всем происходящим, как меня опередили. С переднего сиденья развернулся вполоборота офицер, сверкнул золотом погон:

– Поручик Грачёв?

– Так точно! – вылетело из меня. Потому что в этот момент к нам присоединился Игорь Иванович. Заскочил в салон, почти упал рядом, при этом чувствительно навалился

на меня боком, да ещё и локтем под рёбра засадил. Вот и выбил из меня это утверждение вместе с набранным в лёгкие воздухом. Я в конце короткой фразы даже закашлялся. Весь бок отбил. Хорошо ещё, что у меня рука почти зажила, и я в этот момент успел её в сторону убрать. Как чувствовал.

А потом мы тронулись. То есть не мы, а машина. Пока ехали, Шидловский тихонько ввёл меня в курс дела. Нападение на аэродром и завод вызвало огромный резонанс в столичном обществе. Утаивать от газетчиков эту информацию, особо важную во время войны, никто не стал, поэтому дело получилось неожиданно громким. Газетчики постарались выдать из него всё возможное, сыграть на патриотизме читателей с полного одобрения властей. Ну и заработать, само собой, резко увеличив свои тиражи. Теперь вот везут нас на награждение.

– Сергей Викторович, я прекрасно понимаю, что вас награждать необходимо. Вы действительно заслужили, жизнью рисковали. А мы-то тут при чём? Уж вы на нас не обижайтесь, но это была не наша инициатива. Да мы с Игорем Ивановичем, как говорится, обо всём этом ни слухом, ни духом, почти одновременно с вами узнали.

Сикорский с другого боку тихонько поддакивал почему-то оправдывающемуся передо мной Шидловскому. Вот смешные, а то я этого не понимаю. Вот только несколько удивило собственное награждение. Ну не привык я к такому вниманию к моей персоне. Они же, награды эти, как-то всё

больше мимо меня пролетают.

Ехали долго, за город. Наконец въехали в Царское Село, а вскоре подъехали и ко дворцу. Я скромно держался позади начальства, не высовывался, но по сторонам поглядывал. Интересно же! Красота-то вокруг какая – лепота!

А само награждение прошло скромненько. Облагодетельствовали долгожданным повышением в звании, обрадовали погонями штабс-капитана. А в довершение за спасение военного имущества, что приравняли к боевым действиям, наградили Станиславом с мечами.

Расстраиваться и печалиться не стал. Подумаешь, низший орден. Но ведь и я не на фронте. Зато с мечами, за боевые якобы действия. А ведь и впрямь – и сам пострелял, и в меня постреляли, даже подранили. И моих спутников наградили аналогично. Так что никому из нас не обидно. И мне в том числе. Спасибо и на этом.

А после награждения меня перехватил Джунковский, попросил ничему не удивляться и проследовать за ним. Проследовал. Дурных предчувствий у меня не возникло, наоборот, собрался и подобрался внутри. Потому как почувал, что сейчас для меня будет организована встреча с кем-то влиятельным. Гадать не стал, подходящих кандидатур вокруг хватало, дворец всё-таки. Тут и великий князь, мой якобы благодетель, и вдовствующая императрица Мария Фёдоровна. Это те, про кого я точно читал когда-то. Кто из них? Вот сейчас и увидим. Великий князь на награждении при-

существовал, поэтому явно это не он. Тогда остаётся только одна персона. Решил же не гадать, так ведь никак не получается, волнуясь. Да и ладно.

Так и вышло. Угадал. Мария Фёдоровна. Теперь бы не опростоволоситься, выбрать правильную линию поведения...

– Признаться, я вас себе представляла несколько иначе, – после моего представления и непродолжительного изучения моей скромной персоны молвила Мария Фёдоровна. – Это правда? То, о чём мне рассказал Владимир Фёдорович?

– Что именно вам рассказал Владимир Фёдорович? – в голове метеором проносится весь наш предыдущий разговор с генералом, сразу же выхватываю ключевые вопросы, тут же определяюсь с ответами на них. Я готов. И последующая за моим уточняющим вопросом коротенькая пауза в разговоре мне как нельзя кстати.

– Генерал, а ведь он не играет сейчас. И не боится ни-сколько, да он вообще спокоен. Где вы его нашли? – не отворачивая от меня острого взгляда, обратилась к Джунковскому старушка.

Это я её так про себя обозвал. Чтобы эмоциональное напряжение сбросить. А так... Ну, какая из неё старушка? Крепкая сухощавая женщина в самом расцвете сил. Правда, власть и корона наложили свой отпечаток на её лицо, но это если приглядываться. А так вполне даже ничего для своих лет.

Вот только не нравится мне такое. Когда обо мне же говорят так, словно меня здесь нет.

– Ваше...

– Владимир Фёдорович, мы же с вами договаривались, что наедине и среди своих вы меня называете по имени-отчеству, – резко прервала и не дала продолжить Джунковскому фразу Мария Фёдоровна.

Генерал только согласно голову наклонил в ответ.

– Поручик... Или уже штабс-капитан? Это правда? – а это ко мне вопрос. Это меня сейчас о чём-то собирается спрашивать эта непростая даже на первый взгляд женщина.

А я сейчас чётко понял, что она сейчас так шутит, пытается за этой немудрёной шуткой скрыть свою растерянность. Да она же просто не знает, как себя со мной вести и о чём спрашивать! Или знает, но опасается показаться нелепой. Вдруг это всё неправда и розыгрыш? Потому так и разговор строит.

Ладно, терять мне нечего, плохого я про неё ничего не знаю, рискну. И я начал свой рассказ. Сначала повторил то, что на днях Джунковскому рассказывал, а дальше чуть-чуть, буквально самую малость рассказал о возможно предстоящих дальнейших событиях.

А вот потом произошло то, чего я никак не ожидал. Распахнулись входные двери, и вошёл великий князь и мой якобы благодетель.

– Вот вы все где? А я-то вас как раз и ищу.

А сам очень внимательно и цепко в меня вглядывается. Ага, так я и поверил, что ты меня выискивал. Наверняка всё у вас спланировано было. Только вот с какой целью? А что гадать? Сейчас всё и узнаю...

Спустя день

Пару раз прокатился на собранном «Илье» из конца в конец лётного поля, прогревая и проверяя на слух работу моторов, их синхронизацию и тягу. А самое главное внимательно прислушивался к поведению переделанного фюзеляжа. И ещё почему-то постоянно опасался за новые стойки колёс. Казалось, что слабые они, что вот сейчас возьмут и сложаются в самый неподходящий момент. Ну и что, что я уверен был в своей конструкции, всё равно удостовериться в этом на практике не помешает. И вообще, пусть лучше все возможные проблемы вылезут сейчас, когда я на земле нахожусь, чем позже, в воздухе. Поэтому и гоняю на разных режимах моторы, на радость редкой публике и аэродромного народа катаюсь из одного конца поля в другой, даже вот сейчас попробовал на рулении хвост приподнять. Вроде бы как всё нормально, только всё равно неприятно. Опасно. Махина здоровая, потребная длина разбега и пробега значительно больше, чем у моего «Ньюпора» и, тем более, «Фармана», приходится выкатываться за пределы подготовленной для эксплуатации именно подобных маленьких аппаратов площадки. Надо было мне это дело раньше проконтролировать,

да как-то упустил я этот момент, прошляпил. Да и не рассчитывал на такую подлянку, думал – раз аэродром, то он уж наверняка должен быть ровным, а тут вот оно как получилось. И ладно бы только колёса у меня были, тогда бы не так переживал, а у меня же вместе с колёсами и поплавки под брюхом имеются. Между нижней точкой колёс и поплавков расстояние маленькое, всего-то сантиметров тридцать – не дай бог какая кочка или бугорок с ямкой большей высоты или глубины попадётся. Вероятность, конечно, маленькая, но вдруг, по тому самому закону подлости возьмёт и попадётся. Откуда-нибудь. Так-то ничего страшного не должно случиться, просто поплавком чиркну, но... Всегда есть какое-нибудь НО! Может возникнуть разворачивающий момент, опять же дополнительная нагрузка на элементы конструкции. Что все эти «но» могут за собой повлечь, одному господу известно. Да и ему вряд ли. Ну не до таких мелочей небожителю.

Да, так вот, попробовал хвост приподнять, проверил, устойчив ли аппарат, как рулей слушается, не тянет ли его в какую-либо сторону? Эксперимент меня результатами удовлетворил, теперь можно и в небо подняться.

Почему я так перестраховываюсь? Ведь этот самолёт уже довольно-таки много часов налетал и никаких неприятностей экипажу за время лётной эксплуатации не доставил. А потому что мы полностью переделали фюзеляж, стойки колёс, изменили конфигурацию проводки управления – убрали её из-под пола и провели вдоль бортов. Чуть передела-

ли и значительно усилили конструкцию центроплана. Была мысль и сами крылья с более привычным для меня профилем сделать, но под давлением Глебова и в основном Сикорского не стал с этим заморачиваться. На этом самолёте. А вот все новые аппараты уже будут выпускаться с новыми крыльями.

Ох и поспорили мы с изобретателем. От души. Правда, до драки дело не дошло, Глебов помешал, но был один раз такой момент, в самом начале нашего сотрудничества. А потом как-то всё устаканилось, и процесс пошёл. Процесс сотрудничества, благоприятного и полезного для всех в нём участвующих.

А с каким трудом я добился личного участия в испытаниях своего детища, это отдельный разговор. Но крови я себе попортил достаточно. Даже иной раз серьёзно жалел о том недавнем разговоре с Марией Фёдоровной и великим князем. Сидел бы себе на попе ровно, никуда бы не высовывался, зато летал бы в своё полное удовольствие, в боевых действиях участвовал, воюй – не хочу. Сколько, как говорится, душевненьке угодно. А теперь приходится любой шаг согласовывать, разрешения выпрашивать, да ещё если и удаётся подобное разрешение получить, так следом столько охраны следует, что все окружающие с недоумением вслед смотрят. А кто это такой идёт?

Обыграли меня тогда влёгкую. Да и не могло быть иначе. Кто я и кто они. У кого опыта в подобных разговорах

больше? Само собой, что у них. Мария Фёдоровна женщина умная, и даже очень. Начала ловить меня на нестыковках моего рассказа, тут и Джунковский подключился, затем и великий князь свою посильную лепту внёс. Додавили меня. Пришлось приоткрыть завесу тайны моих успехов. Хорошо ещё, что всего не рассказал, хватило ума и самообладания. Сослался на якобы вселившегося в меня двойника, который время от времени подбрасывает мне кое-какую информацию о грядущих событиях. Нутром чую, что не прокатило такое объяснение, но пока от меня отстали. Наверное, решили паузу взять на обдумывание своих дальнейших действий. Ну и меня намеревались во дворце до той поры придержать. Насилу отбился, отговорился. Но пришлось твёрдое слово давать, что ни в какие опасные для жизни авантюры я лезть не стану. Только после этого отпустили. Но охрану всё равно приставили. Да такая охрана как раз больше всего внимания и привлекает.

Так что пока во дворце думают и о чём-то размышляют, я пользуюсь моментом относительной свободы и испытываю то, что у нас с Игорем Ивановичем получилось. Вон он, с группой инженеров на самом краю поля стоит, у недавно отстроенных ангаров. Там мы и будем новые «Муромцы» выпускать-производить. При содействии великого князя Александра Михайловича все проблемы решились на раз, и про Корпусной аэродром мы забыли как про страшный сон. Теперь основное производство будет здесь, на Комендантском

находиться. И я каким-то образом раз и прилепился к этому делу...

Так, впереди конец лётного поля, пора разворачивать эту махину и готовиться к взлёту.

Моторы прогреты, обороты вывожу на максимум и начинаю разбег. Каждая неровность отдаётся в педали и штурвал, даже слышу, как тоненько звенят от нагрузок расчалки крыльев. Само собой, это мне только кажется, потому как все нервы сейчас на пределе. Растёт скорость, удары по стойкам колёс становятся резче, поднимаю хвост. А повезло мне, что ветер немного боковой, всю пыль в сторону сдувает. А то бы разбегался сейчас в сером тумане – напылил-то я во время испытаний изрядно. Правда, приходится рулём направления компенсировать боковой снос, чтобы выдержать линию разбега, но это ерунда. Одно плохо. То, что гул от работающих моторов в кабине стоит такой, что даже шлемофон несколько от него не спасает. И вибрация... Надо будет кабину вперёд выносить...

Становится легче, выкатываюсь на укатанное поле. Ещё чуть-чуть и на штурвале появляются обратные усилия – наконец-то можно почувствовать самолёт! Отдача в стойки уменьшается, самолёт пару раз зависает в воздухе, касается колёсами земли и окончательно с ней прощается. Придерживаю его, не даю лезть в набор, пусть разгонится. Впереди ни ангаров, ни деревьев, поэтому некоторое время лечу над самой землёй и пытаюсь поймать ощущение слияния с маши-

ной. Пока ничего не выходит. Но аппарат летит ровненько, никуда не кренится, не валится. Моторы тянут ровно, скорость растёт. Проверяю, правильно ли показывает авиагоризонт, высотомер. Чуть-чуть ослабляю усилия на штурвале, и самолёт сразу же начинает карабкаться вверх. А уверенно лезет, настойчиво так, упорно. На высоте порядка пятидесяти метров по прибору прибираю обороты, перевожу машину в горизонтальный полёт. Да, здесь без бортового инженера не обойтись – слишком велики нагрузки на рычагах управления моторами.

Крен влево-вправо, рулей отлично слушается. Не так активно, как на истребителе, запаздывает немного, но это ожидаемо, всё-таки махина для этого времени огромная.

Разворачиваюсь на обратный курс по компасу и проверяю его работу визуально. Пока всё отлично. Ещё чуть-чуть доворачиваю и прохожу точно над ангарами. В нижнем стекле всё отлично видно, по нарисованной на нём черте прекрасно можно выдерживать нужное направление. Вижу внизу на земле задранные к небу головы, кто-то мне даже рукой машет, отворачиваю в сторону от городской окраины и ложусь на расчётный курс. Ну, это я так для красоты говорю, а на самом деле беру примерный курс в точку разворота на посадочную прямую. Для первого полёта достаточно. Сядем, проверим самолёт, если всё в порядке, можно будет ещё разок в небо подняться.

Оглядываюсь через плечо, пусто в кабине. В первый по-

лёт я отправился один. Как ни просился со мной Михаил, а пришлось ему отказать. Нечего рисковать попусту. Всё равно отстреливаться я ни от кого не собираюсь, так что успеет ещё вволю налетаться. А пока я в гордом одиночестве. Нужно же убедиться в работоспособности всего того, что мы за такое короткое время нагородили.

Разворачиваюсь на посадочный курс, вхожу в глиссаду, начинаю снижение в выбранную точку. Самолёт идёт ровно, в воздухе сидит плотно, рулей слушается отлично. Небольшой снос от бокового ветра легко парируется углом доворота. Земля. Выравниваю, убираю снос, ветер приходится парировать креном, но я к этому готов. Штурвал на себя, добор, есть касание.

А вот с посадкой проблемы. При касании слегка задеваю грунт поплавками, их хвостовой частью. И ничего ведь конструктивно не сделаешь. Тут или на воду садиться, или тренироваться больше. Но ничего, для первого полёта на такой технике всё равно результат отличный. И машина хорошая, управляется легко и рулей слушается прекрасно. Усилия, правда, тяжеловаты, непривычны, но от этого никуда не денешься. Просто нужно смириться с этим и привыкнуть к возросшим нагрузкам. На нём, конечно, как на «Ньюпоре», не покрутишься, в каждую дырку не пролезешь, но зато сколько бомб можно увезти. И грузов. Правда, размеры уж больно велики. После моих атак на немецкие корабли они быстро обзавелись средствами противовоздушной обороны,

но тут тоже можно что-нибудь придумать...

Мысли проносятся в голове одна за другой, но работать не мешают. Прибираю обороты до минимальных, гул стихает, а вибрация наоборот усиливается, появляется противное дребезжание со всех сторон. Деревянный же аппарат, что так дребезжать может? Тяги? Нужно будет обязательно проверить их надёжность. И крепление.

Нет, в небе было лучше, а на земле сразу же появляется сильная тряска, зубы выбивают чечётку и ничего не получается с ними сделать. Плохо для здоровья, когда амортизаторов нет.

Разворачиваюсь в конце пробега, поднимаю тучу серой пыли. Удираю от пыльного облака – нужно беречь моторы. Как хорошо, что ветерок есть.

Рулю к ангарам, к машине немного привык, руки-ноги сами работают. Даже появляется возможность отвлечься на мгновение и осмотреться, посмотреть, так сказать, по сторонам. На крылья, например. Очень уж они вверх-вниз болтаются, на каждой неровности ходуном ходят. И никакие расчалки от этого не спасают. Нет, всё-таки я прав, нужно переходить на монопланы. С верхним крылом и другим профилем. Моторы? Пока они есть, тяги хватит, даже если два поставить. Немного упадёт грузоподъёмность, зато вырастет скорость и надёжность. И поплавки... Это же совсем не дело. Надо за основу брать корпус, как у Григоровича. Налаживать с ним тесное и плодотворное обоюдное сотрудниче-

ство. Отказываться от производства кучи разных самолётов, во многом давно устаревших, даже для этого времени, и переходить на повсеместный выпуск нескольких нормальных моделей. Тогда не будет проблем с комплектующими, с производством и с подготовкой пилотов. Это если коротко. Хватает здесь плюсов, но хватает и минусов. Слишком уж всё разобщённо в империи, каждый своё собственное одеяло на себя тянет, а, главное, нет пока у заводчиков и правительства единой концепции самолётостроения и его применения на практике. Пока нет, но будет. Уже первые намётки появились. Александр Михайлович должен разобраться с тем, что я ему, а точнее им наговорил. Пока взяли пару дней на раздумье. Как раз сегодня этот срок истекает. Посмотрим, к какому решению придут...

О, легки на помине. Вот и знакомый автомобиль показался. Зря. Не нужно таким образом ко мне всеобщее внимание привлекать. Наверняка об этом никто не задумался из моих новых, так сказать, высоких друзей. Друзей ли? Ну... Буду на это надеяться. Вот сейчас и узнаю, прав ли я в своих предположениях...

Глава 5

Выключил зажигание, топливные краны перекрывать не стал, для этого ещё один специально обученный человек необходим, пока обошёлся так. По инерции прокатился немного, а дальше набежал служивый народ, остановил самолёт и развернул носом от ангаров. Поймали меня, так сказать, не дали проскочить мимо. Но без тормозов как-то нехорошо, нужно будет подсказать Игорю Ивановичу, пусть поразмышляет на эту тему, ну и я, само собой, подсучусь, кое-какие нужные идеи подскажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.